СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXVIII, № 1.

ВОПРОСЪ
о
КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ
ВЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

РѢЧЬ

И. В. ЯГИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1885.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1885 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ВОПРОСЪ О КИРИЛЛѢ И МЕѲОДІИ ВЪ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Рѣчь академика И. В. Ягича,

читанная имъ въ публичномъ собраніи Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ 5-го апрѣля 1885 года.

Мм. Гг.

Въ Москвѣ, въ ризницѣ Успенскаго собора хранится драгоцѣнный памятникъ древне-русской письменности, пергаменная рукопись XII вѣка. Въ нее внесено старинное славянское жизнеописаніе «отца нашего и учителя Меѳодія, архіепископа моравска». Слѣдующій разсказъ этого жизнеописанія представляетъ древнѣйшее свидѣтельство о кончинѣ славянскаго апостола Меѳодія и даетъ право на чествованіе завтрашняго праздника: Въ вербное воскресенье собралось по обыкновенію множество народа въ соборъ на службу, которую долженъ былъ совершить самъ архіепископъ, старецъ преклонныхъ лѣтъ, нашъ Меѳодій. Онъ вошелъ въ церковь, богослуженіе началось, но архіепископъ занемогъ и едва былъ въ состояніи кончить службу. Онъ просилъ окружавшихъ его учениковъ не покидать старца до третьяго дня. И вотъ рано поутру въ третій день онъ отдалъ душу Господу на рукахъ іерейскихъ, со словами: въ руцѣ твои Господи душу свою возлагаю. Это же случилось въ 6 день мѣсяца апрѣля, въ 3 индиктъ, въ 6393 году отъ созданія міра [1]). Всѣ позднѣйшія свидѣтельства, ихъ же до сихъ поръ знаемъ около десятка [2]), подтверждаютъ это подробное указаніе дня и года кончины Меѳодія,

которое удивительно совпадаетъ съ данными христіанской хронологіи. Оказывается, что 6393 годъ, т. е. 885 нашего лѣтосчисленія, дѣйствительно 3 индиктъ и что въ этомъ году свѣтлый праздникъ пасхи былъ 11 апрѣля, стало быть вербное воскресенье 4 апрѣля, а третій день послѣ этого воскресенья, это былъ вторникъ на страстной недѣлѣ, т. е. 6 число апрѣля 885 года [3]).

Славянская церковь уже съ древнѣйшихъ временъ чествовала память кончины Меѳодія моравскаго 6 апрѣля. Въ знаменитомъ Ассемановомъ евангеліи, памятникѣ XI-го если не даже X-го вѣка, подъ 6-мъ апрѣля отмѣчена «Память успенія преподобнаго отца нашего Меѳодія, архіепископа вышняя Моравы, брата преподобнаго Курила Философа». Эту отмѣтку памятника болгарскаго можно подтвердить русскими XII-го и сербскими XIII и XIV вѣка [4]).

Такъ какъ недавно открытыми въ британскомъ музеѣ регестами папскихъ писемъ блестящимъ образомъ оправдалась достовѣрность славянскаго жизнеописанія въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ его содержанія, то и точное хронологическое опредѣленіе кончины Меѳодія не должно быть поколеблено какими бы ни было соображеніями критики. Сомнѣнія, высказанныя еще недавно однимъ германскимъ ученымъ, Эвальдомъ, устранены отличнымъ знатокомъ славянской исторіи, Мартыновымъ въ Парижѣ [5]), столь удачно, что тотъ охотно уступилъ.

Итакъ мы имѣемъ полное право припомнить, что сегодняшнимъ днемъ заканчивается первое тысячелѣтіе со дня смерти второго изъ славянскихъ апостоловъ, архіепископа Меѳодія. Громадно протяженіе времени, въ которомъ память многихъ великихъ событій и знаменитыхъ для своего времени людей легла въ могилу общаго забвенія, воспоминаніе же о тихихъ подвигахъ скромнаго архіепископа, съ крестомъ и славянскимъ евангеліемъ въ рукахъ дѣйствовавшаго въ средѣ народа, которому пріятно было прислушиваться къ ученію Христову, проповѣдываемому на понятномъ ему языкѣ и восхищаться великолѣпіемъ богослуженія, совершаемаго на томъ же языкѣ — это воспоминаніе не

только еще живетъ, но къ изумленію многихъ (должно быть) мало понимающихъ современниковъ проявляетъ съ неожиданною силою чувства благодарности вездѣ, гдѣ только слышится славянское слово. Память тысячелѣтней годовщины апостола Меѳодія становится праздникомъ общимъ для всѣхъ славянскихъ народовъ, какъ бы ни расходились ихъ жизненные пути.

Чѣмъ объяснить это невольное духовное единеніе разрозненныхъ народовъ? Вызвано ли оно искусственнымъ возбужденіемъ беспокойныхъ умовъ или же лучше внушено имъ проснувшимся сознаніемъ важности великаго дѣла, сдѣланнаго для славянъ двумя братьями изъ Солуня, Константиномъ Философомъ и братомъ его Меѳодіемъ?

Да будетъ мнѣ позволено въ отвѣтъ представить вашему благосклонному вниманію значеніе вопроса о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи; изложить въ сжатомъ очеркѣ историческій фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ славянская филологія, вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія занималъ первое мѣсто въ научныхъ изслѣдованіяхъ славистики. Пусть это краткое разсужденіе будетъ соотвѣтствующимъ характеру нашего собранія, и не совсѣмъ недостойнымъ этого мѣста *введеніемъ* въ торжественное празднованіе завтрашняго дня.

Успѣхи славистики и вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія находятся въ неразрывной связи. Этотъ вопросъ образуетъ краеугольный камень славянской филологіи какъ исторической науки. Чѣмъ болѣе она крѣпнетъ, тѣмъ сильнѣе привлекаетъ къ себѣ пытливость изслѣдователя великій моментъ въ исторической жизни славянъ, связанный съ дѣятельностію Кирилла и Меѳодія. Въ этомъ смыслѣ мы въ правѣ назвать завтрашній праздникъ торжествомъ славянской науки. И въ самомъ дѣлѣ. Не пользовалось ли большинство славянскихъ народовъ плодами дѣятельности славянскихъ первоучителей въ теченіе многихъ столѣтій? [6]) Не отмѣчена ли память ихъ во многихъ южно-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ? Не списывались ли ихъ житія, обширныя въ четьихъ минеяхъ, сокращенныя въ прологахъ и другихъ сбор-

никахъ [7])? Не существуютъ ли похвальныя слова и службы то каждому отдѣльно, то обоимъ вмѣстѣ, то всѣмъ святымъ седмичисленникамъ [8])? Не внесенъ ли подвигъ славянскихъ первоучителей въ древнѣйшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ народнаго самосознанія древней Россіи — въ русскую лѣтопись [9])? И несмотря на все то, мы напрасно бы спрашивали у исторіи предыдущихъ столѣтій, какъ славяне тогда праздновали знаменательныя годовщины своихъ первоучителей. Благое дѣло существовало, оно отмѣчалось на страницахъ рукописей, но общаго сознанія благодарности къ благодѣтелямъ не было, потому что не было — славянской науки, неизсякаемаго источника народнаго самопознанія [10]).

Только со второй половины прошедшаго столѣтія замѣтны первыя вѣянія славянской науки. Рождаются интересы историческіе, бытовые; поднимаются вопросы о судьбѣ славянскихъ народовъ въ теченіе прошедшихъ столѣтій, разыскиваются источники, собираются памятники.

И вотъ невызванныя опять возстаютъ передъ удивленными глазами историковъ и археологовъ двѣ свѣтлыя личности, два смѣлые подвижника въ пользу христіанства, сумѣвшіе сдружить кроткое ученіе Христа съ бытовою обособленностью великаго славянскаго племени.

Славянскіе и неславянскіе ученые, только что коснулись до исторіи славянъ, тотчасъ же лицомъ къ лицу встрѣтились съ этими двумя дѣятелями, осѣнившими нашихъ предковъ знаменіемъ креста и евангеліемъ на славянскомъ языкѣ. Подходя къ предмету съ различныхъ сторонъ, занимаясь то изслѣдованіями исторіи и древностей, то изученіемъ языковъ, то переводовъ священнаго писанія—всѣ они должны были прежде всего остановиться на Кириллѣ и Меѳодіи и ихъ многознаменательной дѣятельности.

Бросимъ бѣглый взглядъ на ходъ славянской науки съ тѣхъ поръ, чтобы видѣть какое положеніе занималъ въ ней вопросъ о

Кириллѣ и Меѳодіи и церковно-славянскомъ языкѣ съ самаго начала и какія были его послѣдствія.

Шлецеръ, приступая къ изученію русской лѣтописи, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Россію, прежде всего взялся за церковно-славянскую грамматику Смотрицкаго, другой тогда не было, и изучилъ ее, чтобы понимать, какъ самъ разсказываетъ, языкъ Нестора. Онъ изумился богатству, великолѣпію этого языка и его силѣ въ звукахъ и выраженіяхъ [11]). Но какъ видно изъ его тогда же начатой грамматики русскаго языка, о происхожденіи церковно-славянскаго языка, или же о Кириллѣ и Меѳодіи, онъ не имѣлъ тогда еще никакого понятія. Только впослѣдствіи, лѣтъ тридцать спустя, печатая свои поясненія къ Нестору, онъ посвятилъ въ III томѣ отдѣльную главу (X-ю) изслѣдованію о Кириллѣ и Меѳодіи, основанную на извѣстномъ разсказѣ первоначальной лѣтописи. Эта была первая и для своего времени дѣйствительно блестящая попытка вникнуть въ смыслъ разногласныхъ преданій, отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, оцѣнить извѣстіе русской лѣтописи, непринятое во вниманіе раньше его никѣмъ (источниковъ котораго онъ самъ еще не зналъ), въ сравненіи съ содержаніемъ западныхъ, латинскихъ памятниковъ, разработанныхъ тогда уже Добнеромъ и Добровскимъ. Многое здѣсь впервые сказано вѣрно. Съ восторгомъ отозвался знаменитый историкъ о изобрѣтеніи славянскаго письма. Упомянувъ, что вся заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Кириллу и Меѳодію, онъ написалъ слѣдующія, Калайдовичемъ лѣтъ 20 спустя повторенныя слова [12]): «Привѣтствую васъ здѣсь, вы безсмертные изобрѣтатели славянскаго письма, вы первые дерзнули грубый еще языкъ, изобиловавшій множествомъ ему свойственныхъ звуковъ, взять такъ сказать изъ устъ народа и писать его греческими буквами; но въ этомъ дѣлѣ вы поступили какъ истинно геніальные люди, составивъ для особыхъ звуковъ особые новые знаки или буквы»! Этимъ сдѣланъ уже значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ тѣмъ, что самъ Шлецеръ говорилъ еще въ двухъ предыдущихъ частяхъ своего Нестора, гдѣ

онъ еще не смѣлъ утверждать, что письмо русское то же самое, которое легенды приписываютъ Кириллу [13]). Какъ попало это письмо въ Россію, объ этомъ онъ и теперь еще отказывался разсуждать [14]). Еще менѣе опредѣленно онъ отзывался о церковно-славянскомъ языкѣ. Онъ зналъ только по лѣтописи, что Кириллъ и Меѳодій обратили Моравянъ, въ Россію же христіанство проникло слишкомъ сто лѣтъ спустя и совсѣмъ другимъ путемъ, поэтому-де они и не имѣли чести попасть въ календари русскихъ святыхъ [15]). Но Шлецеръ все-таки допускалъ возможность, что священное писаніе, которое русскіе стали употреблять при Владимирѣ, можетъ быть то же самое или же произошло изъ того перевода, который сдѣлали Кириллъ и Меѳодій. Рѣшеніе этого вопроса онъ предпочелъ предоставить времени [16]). Ему казалось, что церковно-славянскій языкъ могъ быть въ IX вѣкѣ еще общею матерью всѣхъ позднѣйшихъ славянскихъ нарѣчій. Замѣтимъ однакожъ немалую заслугу Шлецера, что онъ первый, узнавъ изъ Татищева о существованіи славянскихъ житій Кирилла и Меѳодія въ четьихъ-минеяхъ и прологахъ, обратилъ вниманіе и на этотъ источникъ. Правда, онъ не былъ еще въ состояніи оцѣнить это новое пособіе по достоинству, вѣроятно потому, что оно слишкомъ поздно попало ему въ руки, но онъ какъ будто бы чувствовалъ, что тутъ кроется важный источникъ, поэтому и закончилъ свою знаменитую десятую главу словами [17]): «Отысканныя русскія свидѣтельства требуютъ «новаго пересмотра» всего до сихъ поръ объ этомъ писаннаго...»

Такъ гласитъ послѣднее слово науки въ началѣ нашего столѣтія. Нечего и говоритъ о томъ, что многіе отдѣльные факты изъ жизни Кирилла и Меѳодія еще не были приведены въ извѣстность, напр. Шлецеръ откровенно признавалъ, что не знаетъ, ни гдѣ ни когда скончался Меѳодій.

Въ это время занимались много тѣмъ же вопросомъ два передовые ученые у чеховъ — Добнеръ и Добровскій. До тѣхъ поръ въ Чехіи и Моравіи пользовалось безусловнымъ авторитетомъ сочиненіе Стредовскаго, издавшаго въ 1710 году на латин-

скомъ языкѣ «священную исторію Моравіи или жизнь Кирилла и Меѳодія». Это сочиненіе, какъ доказано Добнеромъ и Добровскимъ, переполнено многими ложными извѣстіями, оно разсказываетъ разныя подробности выдуманныя или взятыя изъ Гайка, напр. о проповѣдникахъ, разосланныхъ будто бы во всѣ стороны славянскаго и неславянскаго міра съ фантастическими названіями, въ Паннонію будто-бы былъ посланъ какой-то Безрадъ, въ Сармацію Визногъ, въ Дакію Яндовъ, въ Россію Наврокъ и т. д.[18]) Не много труда стоило, конечно, опровергнуть такія нелѣпости, но за то въ нѣкоторыхъ вопросахъ, относящихся къ древней исторіи Чехіи, напр. въ вопросѣ объ участіи Меѳодія въ обращеніи къ христіанству чешскаго народа и его князя Боривоя, возникла между Добнеромъ и Добровскимъ полемика, въ которой первый утверждалъ, а второй отрицалъ упомянутое участье. Критика новѣйшаго времени склоняется болѣе въ положительную сторону. Но въ то время Добнеръ не могъ устоять передъ блескомъ аргументаціи Добровскаго. И замѣчательную свою догадку о древности глаголическаго письма онъ не былъ въ состояніи обставить доказательствами филологическими, она была отвергнута Добровскимъ [19]), доводами котораго противъ Добнера воспользовался также Карамзинъ [20]) въ своей исторіи.

Добровскаго мы величаемъ отцомъ славянской филологіи или патріархомъ славистики, какъ назвалъ его Копитаръ. Никто раньше его не поднялся до высокаго уровня общеславянскихъ научныхъ интересовъ; онъ первый началъ собирать въ свой улей соки литературныхъ, культурныхъ и бытовыхъ явленій изъ прошлой и современной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ безъ различья. Вѣроятно этому широкому пониманію задачи мы должны приписать то, что онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ на первый планъ поставилъ церковно-славянскій языкъ и вопросъ о дѣятельности Кирилла и Меѳодія. О немъ можно безъ преувеличенія сказать, что на изслѣдованіе этихъ предметовъ была потрачена вся его жизнь, на нихъ онъ отводилъ душу. Уже зимою 1792 г. можно было его застать въ синодальной библіотекѣ въ Москвѣ,

гдѣ онъ былъ погруженъ въ изученіе предмета, мало интереса возбуждавшаго въ то время у другихъ, въ изученіе славянскаго перевода священнаго писанія по рукописнымъ экземплярамъ библіи, и приходилъ тогда же къ выводамъ, которые лѣтъ через 60 были обширно разработаны русскими изслѣдователями этого вопроса, Горскимъ и Невоструевымъ[21]). Поэтому неудивительно, что Добровскій былъ въ состояніи сдѣлать къ вышеупомянутой главѣ Шлецера о Кириллѣ и Меѳодіи существенныя поправки, свидѣтельствующія о его основательномъ знакомствѣ съ этимъ вопросомъ [22]). Какъ вообще все содержаніе его «Славина», такъ въ особенности эта статья уже тогда сильно заинтересовала молодого русскаго слависта Востокова: онъ перевелъ ее и прочелъ въ 1810 году въ Обществѣ любителей словесности [23]).

Но Добровскаго занимали тогда уже и такіе вопросы, отъ которыхъ Шлецеръ совсѣмъ уклонялся, напр. о родинѣ церковнославянскаго языка, о его родственныхъ отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ; рѣчь заходила о классификаціи славянскихъ нарѣчій, зарождалась сравнительная грамматика, имѣлось въ виду замѣнить грамматику Смотрицкаго лучшимъ и научнымъ потребностямъ времени болѣе соотвѣтствующимъ пособіемъ. Кромѣ «Славина» и продолженія его, «Слованки», этихъ скромныхъ, но чрезвычайно симпатичныхъ памятниковъ всеобъемлющей начитанности, самый богатый матеріалъ для оцѣнки Добровскаго кроется въ его обширной перепискѣ. Для занятій его по церковно-славянскому языку было бы важно изучить переписку его съ Дурихомъ, которая къ сожалѣнію пока еще не издана; но и въ перепискѣ съ молодымъ, очень даровитымъ словенцемъ В. Копитаромъ, имѣется не мало указаній на вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи [24]). Съ свойственнымъ любознательной юности увлеченіемъ Копитаръ задавалъ иногда «учителю» вопросы, на которые не легко было отвѣчать. Такъ уже въ первомъ письмѣ изъ Любляны (1808 года) онъ спрашивалъ Добровскаго по поводу вышеупомянутой статьи «Славина»: нѣтъ ли какихъ либо указаній о томъ, какъ кирилловское письмо и переводъ св. пи-

санія попали къ русскимъ? или же: когда Добровскій напишетъ полную исторію славянскаго перевода священнаго писанія? Добровскій отвѣчалъ нѣсколько уклончиво: кирилловская азбука и переводъ св. писанія пришли къ русскимъ черезъ сербское и болгарское духовенство. Ибо когда Владиміръ принялъ христіанство и завелъ сношенія съ греками, нельзя же было посылать къ нему только грековъ. И къ другимъ славянамъ, прибавляетъ Добровскій, распространилась бы кирилловская письменность, если бы не воспрепятствовали латины. Для полной исторіи славянскаго перевода священнаго писанія недостаетъ, говорилъ Добровскій, только свободнаго времени: въ сущности дѣло уже почти готово [25]). Мы знаемъ, что такого рода трудъ Добровскаго никогда не вышелъ въ свѣтъ.

Въ оцѣнкѣ источниковъ для жизни Кирилла и Меѳодія Добровскій расходился съ Шлецеромъ, полагая, что тотъ преувеличивалъ значеніе разсказа русской лѣтописи. Онъ представлялъ себѣ ходъ событій такъ, что Ростиславъ, требуя изъ Константинополя лучшихъ проповѣдниковъ, чѣмъ были прежніе, нѣмецкіе, уже зналъ должно быть что-то о дѣятельности Кирилла и Меѳодія между южными славянами (сербами, болгарами), что до него уже дошли слухи о славянскомъ богослуженіи; поэтому онъ полагалъ, что Кириллъ и Меѳодій принесли съ собою въ Моравію уже дѣло готовое. Множество греческихъ и на греческій ладъ составленныхъ словъ церкослав. языка служили Добровскому важнымъ, и дѣйствительно еще и теперь трудно устранимымъ доказательствомъ, что цѣлое предпріятіе первоначально предназначалось для южныхъ славянъ солунскаго края и Сербіи, а такъ какъ путь велъ ихъ въ Моравію черезъ Болгарію, то ихъ-де заставили участвовать и въ обращеніи болгаръ [26]). Молчаніе источниковъ объ этой южнославянской дѣятельности слав. апостоловъ онъ объяснялъ себѣ такъ: Большой шумъ надѣлала славянская литургія только въ Моравіи и Панноніи, потому что здѣсь она поразила нѣмецкихъ проповѣдниковъ. Въ греческихъ провинціяхъ она распространилась незамѣтно и уже

раньше, такъ что легко узнали о ней Ростиславъ и Коцель [27]). Мы увидимъ ниже, что въ нѣсколько измѣненномъ видѣ эта гипотеза была принята и Шафарикомъ и, опираясь на такіе высокіе авторитеты, долгое время господствовала въ наукѣ абсолютно. Замѣтимъ еще, что Добровскій былъ склоненъ въ извѣстномъ живописцѣ Меѳодіи, который играетъ роль въ разсказѣ о крещеніи Бориса, видѣть нашего, моравскаго архіепископа Меѳодія. Нынѣшняя наука отвергаетъ это сопоставленіе.

Не имѣя еще возможности правильно понять составъ первоначальной русской лѣтописи, онъ все-таки тонкимъ критическимъ смысломъ вѣрно угадалъ, что статья о Кириллѣ и Меѳодіи не собственное произведеніе Нестора; онъ ошибся только въ томъ, что считалъ ее позднѣйшею вставкою XIV в. [28]).

Въ другомъ мѣстѣ Добровскій дѣлаетъ такое замѣчаніе: Какое счастіе, что Кириллъ явился такъ рано и что переводъ его вскорѣ попалъ въ Россію. Онъ засталъ еще неиспорченный славянскій языкъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ грецизмовъ [29]), да вообще Кириллъ не былъ пуристъ. И это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о глубокомъ филологическомъ пониманіи. Церковно-славянскій языкъ дѣйствительно именно тѣмъ и занялъ почетное, выдающееся положеніе въ славянской филологіи, что онъ, вслѣдствіе ранняго появленія въ литературѣ, тонкостью организма и богатствомъ формъ значительно превзошелъ всѣ прочія славянскія нарѣчія и уже по одному этому физіологическому качеству заслуживаетъ названіе совершеннаго, священнаго, «санскритскаго» языка въ семьѣ славянской.

Добровскій уже въ то время много занимался вопросомъ о измѣненіяхъ, которымъ подвергался первоначальный переводъ священнаго писанія и другихъ церковныхъ книгъ въ теченіе столѣтій у южныхъ славянъ и русскихъ. Замѣчательныя для своего времени наблюденія по этой части вошли въ Гризбахово греческое изданіе Новаго Завѣта. Копитару, не совсѣмъ безпристрастно обвинявшему только русскихъ въ отступленіяхъ, Добровскій замѣтилъ, что измѣненія начались уже давно также

на югѣ, но что евангеліе и псалтырь можно бы возстановить въ первоначальномъ видѣ. И этимъ сужденіемъ намѣчена задача славянской филологіи, о трудности которой онъ, правда, не могъ имѣть вѣрнаго понятія, потому что много древнихъ и самыхъ важныхъ для рѣшенія этого вопроса памятниковъ ему не было еще извѣстно [30]).

Критическій пересмотръ всѣхъ данныхъ для біографіи Кирилла и Меѳодія казался Добровскому необходимымъ уже въ 1812 году, при чемъ его особенно занималъ только что открытый тогда полный текстъ греч. житія Климента [31]). Но въ то время Копитаръ, его усердный корреспондентъ, настаивалъ прежде всего на грамматикѣ; онъ напоминалъ ему о ней буквально въ каждомъ письмѣ, рисуя важность ея въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ [32]). Да Добровскій и самъ признавалъ необходимость такого пособія. Онъ высказывалъ уже въ 1809 году убѣжденіе, сдѣлавшееся общимъ достояніемъ науки только лѣтъ 30—40 спустя, что въ филологическомъ изученіи славянскихъ нарѣчій слѣдуетъ начинать съ древне-славянскаго [33]); онъ такъ любилъ этотъ языкъ, что частнымъ образомъ обучалъ ему желающихъ. Дѣло однакожъ затянулось довольно долго. Добровскій часто прихварывалъ, отлучался лѣтомъ на цѣлые мѣсяцы изъ Праги, однимъ словомъ велъ жизнь разсѣянную. Только въ 1820 и 1821 годахъ, большую часть которыхъ онъ провелъ въ Вѣнѣ, грамматика была напечатана и вышла въ самомъ началѣ 1822 года, долго ожидаемая, всѣми радостно встрѣченная, но, надо сказать правду, не удовлетворившая всѣмъ ожиданіямъ. Конечно, это былъ трудъ почтенный, имѣвшій значеніе не только какъ церковно-славянская, а какъ своего рода историко-сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій, плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій, блестящее доказательство громадной эрудиціи. Въ то время не было ничего подобнаго даже въ общей, европейской грамматической литературѣ, если исключить только что изданный первый томъ нѣмецкой грамматики Якова Гримм а.

Какъ привѣтствовали славянскіе ученые этотъ трудъ Доб-

ровскаго, пусть намъ скажутъ слова компетентнаго судьи Востокова. Онъ пишетъ въ письмѣ графу Румянцову (1 мая 1822 года), что онъ желалъ бы исключительно заняться церковно-славянскою грамматикою, «нынѣ особливо, когда первый въ иностранныхъ земляхъ знатокъ славянскаго языка Добровскій сообщилъ свѣту плоды многолѣтнихъ своихъ разысканій. Я видѣлъ экземпляръ сей книги и нашелъ въ ней множество превосходныхъ вещей: полноту и основательность, какой только можно ожидать отъ столь ревностнаго и опытнаго разыскателя каковъ Добровскій». Но тутъ же вполнѣ вѣрно и безъ малѣйшаго оттѣнка злости указаны также важныя причины нѣкоторой неудовлетворительности. Востоковъ продолжаетъ: «Однакожъ, такъ какъ онъ не имѣлъ у себя многихъ матеріаловъ, какими мы можемъ пользоваться въ Россіи (напр. древнѣйшихъ словесныхъ памятниковъ XI в., каковы Остромирово Евангеліе и проч.), то и не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ. Будущему сочинителю славянской грамматики, живущему въ Россіи, остается съ помощію сихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ пополнить, объяснить и поправить многія недостаточныя, сомнительныя или ошибочныя мѣста въ грамматикѣ Добровскаго, коей впрочемъ отдаю я преимущество предъ всѣми доселѣ изданными» [34]).

Изъ иностранцевъ упомянемъ знаменитаго Нибура, который въ письмѣ изъ Рима благодарилъ за посланную ему грамматику и жалѣлъ только, что на старости лѣтъ теперь уже не будетъ въ состояніи по этому превосходному пособію изучать языкъ, который его сильно интересовалъ въ молодости. Онъ умоляетъ въ письмѣ Копитара склонить Добровскаго на новое препріятіе, на критическое изданіе первоначальнаго перевода св. писанія [35])!

Добровскій живо чувствовалъ источникъ недостатковъ своего труда; зная отчасти сокровища библіотекъ русскихъ, онъ увлекся мыслью поѣхать еще на Аѳонъ, для возстановленія настоящаго Кирилла или Пракирилла, какъ онъ выражался. Назывались даже покровители такого предпріятія: графъ Румянцовъ и загребскій епископъ Верховацъ [36]). Но преклонныя лѣта Добровскаго исклю-

чали вѣроятность и даже возможность осуществленія этихъ мечтаній. Имъ было суждено осуществиться лѣтъ черезъ 25, и это выпало на долю одного русскаго слависта. Но за то Добровскій дѣлалъ все то, что было легче исполнить 70-лѣтнему старцу. Онъ исправлялъ и пополнялъ свою грамматику, собираясь серьезно издать ее вторымъ изданіемъ [37]). Драгоцѣнный экземпляръ, на страницы котораго онъ вносилъ свои примѣчанія, поправки и дополненія, остался въ 1828 году у Копитара на память, за нѣсколько мѣсяцевъ до сметри Добровскаго имъ же самимъ подаренный любимому вѣнскому другу [38]).

И Копитаръ не былъ вполнѣ доволенъ грамматикою Добровскаго, но не по тѣмъ же причинамъ, которыя такъ вѣрно отмѣчены Востоковымъ. Онъ намекалъ уже давно въ письмахъ къ Добровскому на несостоятельность его гипотезы о происхожденіи церковно-славянскаго языка отъ древне-сербскаго, совѣтуя ему обратить вниманіе на германскіе элементы въ составѣ словъ этого языка, которые говорятъ въ пользу такой страны, гдѣ уже раньше, должно быть, дѣйствовало христіанство нѣмецкое. Такою страною Копитаръ признавалъ Паннонію [39]). Такимъ образомъ родилась у него гипотеза о паннонизмѣ, или по его воззрѣніямъ собственно лучше было бы сказать о хорутанизмѣ церковно-слав. языка. Копитаръ ожидалъ, что Добровскій въ своемъ капитальномъ трудѣ посвятитъ отдѣльную главу разбору этого вопроса. Досадно было увидѣть, что Добровскій этого не сдѣлалъ. Поэтому въ рецензіи на грамматику онъ поднялъ этотъ вопросъ, по мнѣнію Добровскаго совсѣмъ не кстати; многолѣтней дружбѣ угрожалъ разрывъ [40]). Однакоже до этого не дошло, но за то несвоевременныя будто-бы замѣчанія Копитара ускорили у Добровскаго изданіе двухъ сочиненій спеціально посвященныхъ вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи. Это была извѣстная, въ 1823 году изданная монографія «Славянскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій» и дополненіе къ ней, напечатанное въ 1826 году, «Моравская Легенда о Кириллѣ и Меѳодіи» [41]). Въ этихъ двухъ книжкахъ собраны и разсмотрѣны еще разъ всѣ данныя

о Кириллѣ и Меѳодіи, которыя были извѣстны въ то время; въ нихъ высказаны послѣдніе взгляды Добровскаго по любимымъ вопросамъ, измѣненные въ сравненіи съ прежнимъ мнѣніемъ въ нѣкоторыхъ только пунктахъ. Такъ онъ теперь расширилъ прежнее представленіе о церковно-славянскомъ языкѣ, назвавъ его «старымъ несмѣшаннымъ сербско-болгарско-македонскимъ нарѣчіемъ». Съ этимъ конечно Копитаръ еще менѣе соглашался, чѣмъ съ прежнимъ мнѣніемъ [42]). Добровскій продолжалъ не обращать вниманія на славянскіе источники за исключеніемъ сказанія русской лѣтописи и статьи черноризца Храбра. Придавая главное значеніе различнымъ латинскимъ источникамъ, онъ и теперь еще полагалъ, что Константинъ былъ епископомъ (по второму изслѣдованію только въ Римѣ), что пріѣхалъ въ Моравію, чтобы здѣсь продолжать дѣло, начатое уже въ Болгаріи, отрицалъ однакожъ достовѣрность сказанія, будто бы Константинъ только на обратномъ пути изъ Моравіи проповѣдывалъ въ Болгаріи. Живописца монаха Меѳодія онъ и здѣсь еще отожествлялъ съ архіепископомъ моравскимъ, отвергалъ же позднѣйшее преданіе о Велеградѣ и дѣятельность Меѳодія на почвѣ чешской; онъ полагалъ, что Меѳодій, возвратившись приблизительно въ 881 году въ Римъ, тамъ и остался и скончался въ Римѣ, неизвѣстно въ какомъ году. Правда, во второмъ изслѣдованіи онъ уже обратилъ вниманіе на изданное Калайдовичемъ проложное житіе, гдѣ совсѣмъ иначе говорится о кончинѣ Меѳодія, но онъ не хотѣлъ повѣрить этому источнику.

Сочиненія Добровскаго были вскорѣ переведены на русскій языкъ. «Кириллъ и Меѳодій» вышелъ уже въ 1825 году въ великолѣпномъ изданіи, на средства графа Румянцова, въ переводѣ сдѣланномъ молодымъ тогда М. Погодинымъ при живѣйшемъ участіи Востокова, исправившаго переводъ и давшаго мысль приложить нѣкоторые новые памятники, которыми изданіе перевода отличается отъ самого подлинника [43]). Но грамматика, со многими сторонами которой, какъ мы уже видѣли, Востоковъ не могъ согласиться, вышла гораздо позднѣе въ

1833 и 1834 годахъ, въ изданіи менѣе привлекательномъ [44]). Переводъ сдѣланъ Погодинымъ и Шевыревымъ, и дѣйствительно не долженъ былъ явиться безъ значительныхъ исправленій или передѣлокъ въ странѣ и литературѣ, которая могла уже тогда гордиться именемъ Востокова. Но у молодыхъ и одушевленныхъ людей, какими были тогда Погодинъ и Шевыревъ,— похвально и это усердіе. Дѣйствительно, труды Добровскаго оплодотворили въ Россіи почву, приготовленную уже для научныхъ интересовъ, касающихся славянства, щедрымъ покровительствомъ графа Румянцова, и дѣятельностью такихъ людей, какъ: Евгеній, Карамзинъ, Востоковъ, Калайдовичъ, Кеппенъ, Погодинъ и другіе.

Выше всѣхъ конечно стояли труды Востокова по церковно-славянскому языку. Онъ занялъ съ самаго начала завидное положеніе. Въ Остромировомъ евангеліи онъ нашелъ великолѣпный якорь, къ которому спокойно могъ прикрѣпить свою ладью. Такой опоры у Добровскаго никогда не было. Замѣчательное совпаденіе. Къ той же рецензіи, которою Копитаръ оповѣщалъ ученый міръ объ изданіи грамматики Добровскаго, онъ долженъ былъ прибавить уже похвальный отзывъ о извѣстномъ «Разсужденіи» Востокова, написанномъ и посланномъ въ Москву въ началѣ 1820 года и изданномъ въ томъ же году въ «Трудахъ». Копитаръ назвалъ это изслѣдованіе русскаго ученаго неожиданною зарею истинной древне-славянской филологіи на восточномъ небѣ славянства [45]). Анекдотъ о томъ, что Добровскій хотѣлъ сжечь свою грамматику, когда узналъ о разсужденіи Востокова, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія. Изъ переписки его съ Копитаромъ видно, что грамматика Добровскаго была не только уже отпечатана, но и разослана, когда пріѣхалъ въ Вѣну Кеппенъ и между прочими книгами привезъ съ собою изслѣдованіе Востокова. Копитаръ не преминулъ тотчасъ увѣдомить объ этомъ Добровскаго, въ письмѣ 22 марта 1882 года; ему казалось, что эта статья вмѣстѣ съ палеографическими матеріалами, привезенными Кеппеномъ, стоила того, чтобы До-

бровскій на 8—10 дней заѣхалъ въ Вѣну [46]). Съ тѣхъ поръ Добровскій очень уважалъ Востокова [47]). Онъ оцѣнилъ сразу его широкія познанія по церковно-славянскому языку, почерпнутыя изъ такихъ превосходныхъ памятниковъ, которые онъ самъ едва зналъ по имени. Но справедливость требуетъ сказать и то, что въ разсужденіи Востокова замѣтно основательное знакомство со всѣми филологическими трудами Добровскаго, которые до тѣхъ поръ вышли. Не пустыя слова то, что Востоковъ написалъ Добровскому въ письмѣ, при которомъ онъ послалъ ему выписки и снимки изъ Остромирова евангелія: «Давно уже я васъ люблю и уважаю какъ учителя и вождя своего по стезѣ грамматическихъ изслѣдованій, которыми я занимаюсь. Ваши открытія пролили свѣтъ на древнее строеніе богатаго и правильнаго языка словенскаго, подвергшагося въ продолженіе вѣковъ равной участи съ другими древними языками, т. е. обѣдненію въ формахъ и лишенію прежней правильности. Первобытнаго богатства и правильности сего языка надобно искать въ письменныхъ памятникахъ онаго, разсѣянныхъ по всѣмъ словенскимъ краямъ. Въ Россіи доселѣ отысканы древнѣйшіе, по достовѣрнымъ лѣтопоказаніямъ памятники языка церковно-словенскаго, (до коего собственно касаются ваши Institutiones linguae Slavicae) и между ними первое мѣсто занимаетъ евангеліе, писанное для Остромира, посадника новгородскаго, въ 1056 году» [48]). Простыми словами, откровенно, но безъ лишнихъ фразъ, выставлено здѣсь то преимущество, которое волею судьбы досталось въ удѣлъ Россіи для славянской филологіи. Дѣйствительно, все богатство древнѣйшихъ источниковъ нашей науки, за небольшими исключеніями, сосредоточено здѣсь; многое, чего въ эпоху Добровскаго еще недоставало, прибавилось впослѣдствіи, благодаря усердію первыхъ русскихъ славистовъ и просвѣщенному вниманію правительства. Даже путешествіе на Аѳонъ теряетъ теперь для западно-славянскаго филолога-слависта то значеніе, которое еще Добровскій придавалъ ему, въ сравненіи съ богатыми сокровищами Москвы, Петербурга.

Судя по великолѣпному разсужденію Востокова, отъ него можно было ожидать еще многихъ другихъ изслѣдованій по нашему вопросу, т. е. по церковно-славянскому языку и дѣятельности Кирилла и Меѳодія; но усиленныя библіографическія занятія отклонили его въ другую сторону, гдѣ онъ такими трудами, какъ Описаніе рукописей румянцовскаго музеума, создалъ себѣ monumentum aere perennius. Кто однакожъ не знаетъ великолѣпнаго изданія Остромирова евангелія? Краткія грамматическія правила, приложенныя къ этому изданію, переработаны потомъ въ особую книгу, изданную только въ 1860 году. Необъемиста эта грамматика церковно-славянскаго языка, но вслѣдствіе изумительно вѣрной объективности изложенія она еще надолго не потеряетъ своего значенія. Такими же превосходными качествами отличается и его словарь церковно-славянскаго языка: и послѣ значительно расширеннаго пособія въ новомъ изданіи словаря Миклошича, изслѣдователь не рѣдко беретъ съ пользою въ руки трудъ Востокова.

Но у Востокова былъ такой складъ ума, что его изслѣдованія всегда нуждались въ большомъ запасѣ положительныхъ данныхъ; гдѣ же этихъ не было, онъ предпочиталъ воздерживаться отъ предположеній и догадокъ. Поэтому и въ вопросахъ, относящихся къ Кириллу и Меѳодію, онъ оставался постороннимъ зрителемъ, предоставляя борьбу разногласныхъ взглядовъ другимъ, конечно не по недостатку сочувствія къ нимъ, — вѣдь онъ посвятилъ всю свою жизнь предметамъ, близко касающимся до этого вопроса — а скорѣе потому, что вдумавшись въ постановку такихъ вопросовъ, какъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка, о двоякой письменности, онъ не находилъ пока моментовъ, дающихъ возможность высказать свое мнѣніе съ той рѣшительностью и положительностью, которую онъ любилъ въ своихъ трудахъ [49]).

Востоковъ предоставлялъ разработку упомянутыхъ вопросовъ другимъ. Эти другіе были въ то время еще преимущественно у западныхъ славянъ, но уже и въ Россіи число слави-

стовъ возростало. Здѣсь оказалъ въ то время существенныя услуги вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи почтенный разыскатель о Іоаннѣ Ексархѣ — Калайдовичъ. Важность этого великолѣпнаго труда заключается, правда, не во взглядахъ, которые Калайдовичъ высказалъ о церковно-славянскомъ языкѣ [50]), но въ драгоцѣнныхъ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ изъ ново-открытыхъ и здѣсь впервые напечатанныхъ источниковъ. Въ этомъ трудѣ въ первый разъ понемногу поднялась занавѣсь, закрывавшая до тѣхъ поръ цѣлую эпоху въ исторіи церковно-славянской письменности, именно ту важную эпоху въ духовной жизни славянъ, которая связывала первый актъ, разыгравшійся въ предѣлахъ Моравіи и Панноніи, съ главнымъ дѣйствіемъ, перенесеннымъ съ конца X-го вѣка на почву русскую. Эта важная услуга доставила Калайдовичу лестное признаніе самого Добровскаго [51]).

У западныхъ славянъ послѣ смерти Добровскаго остался его вѣрный другъ Копитаръ, къ которому вскорѣ присоединился Шафарикъ, но присоединился только какъ современный труженикъ, не какъ другъ и единомышленникъ. Напротивъ ихъ разногласіе по многимъ вопросамъ славянскихъ древностей приняло съ самаго начала черезъ чуръ рѣзкій характеръ, славянская филологія отъ этого конечно не выиграла. Судьба жестоко подшутила надъ достойнымъ Шафарикомъ, заставивъ его подъ конецъ жизни въ существенныхъ пунктахъ перемѣнить свои прежніе взгляды и притти къ убѣжденіямъ, когда-то горячо отвергаемымъ, пока ихъ отстаивалъ Копитаръ.

По вопросу, который служитъ темою нашего разсужденія, послѣ трудовъ Добровскаго, Востокова и Калайдовича, громадный шагъ впередъ сдѣланъ монументальнымъ изданіемъ Копитара Glagolita Clozianus, напечатаннымъ въ 1836 году. Это одно изъ такихъ сочиненій, которыя не легко потеряютъ свою прелесть: талантъ автора такъ и высказывается въ каждомъ словѣ. Уже въ бытность свою въ Парижѣ, въ 1815 году, Копитаръ занялся по просьбѣ Добровскаго однимъ пергаменнымъ

листкомъ, на которомъ былъ написанъ алфавитъ глаголическій съ названіями буквъ по латыни. Это такъ называемый Abecenarium bulgaricum. Французскіе палеографы XVIII столѣтія относили этотъ отрывокъ, судя по почерку латинскихъ буквъ, къ XI вѣку. Копитаръ, возвратившись въ Вѣну, тотчасъ сообщилъ Добровскому о результатахъ своего наблюденія, прибавляя не въ шутку: Добнеръ сказалъ бы, ну вотъ Добровскій провалился, который думаетъ, что глаголица вошла въ употребленіе только съ 1222 года. Добровскій отвѣчалъ: Какъ пріятно вы удивили меня. О еслибъ я былъ уже въ Вѣнѣ. Я сгараю нетерпѣніемъ узнать отъ васъ подробности. Но мнѣ не вѣрится, чтобы уже въ XI вѣкѣ писали по глаголически. Не настаиваю точно на 1222 годѣ, 50 лѣтъ раньше или позже, это ничего не значитъ [52]).

И такъ Добровскій еще не поддался. Но вотъ въ 1830 году, годъ спустя послѣ смерти добраго друга, Копитаръ убѣдился, что опредѣленіе французскихъ палеографовъ было вѣрно. Ему случайно попала въ руки цѣлая тетрадка, написанная такимъ же письмомъ, заключающая въ себѣ текстъ церковно-славянскій, по старинному характеру языка не уступающій нисколько Остромирову евангелію. Accidit in puncto, quod non speratur in anno! Этими словами римскаго поэта озаглавилъ Копитаръ начало своего труда. И дѣйствительно, открытіе этого отрывка, извѣстнаго въ славянской филологіи подъ названіемъ Glagolita Clozianus или Сборникъ графа Клоца, внесло новую, свѣжую струю въ славянскую филологію. Неожиданно выросъ передъ глазами изслѣдователей новый вопросъ о двоякой славянской письменности, отъ котораго уже нельзя было такъ легко отдѣлаться, какъ это попытался было сдѣлать Добровскій съ глаголицею позднѣйшихъ памятниковъ такъ называемаго хорватскаго письма [53]).

Не было въ живыхъ уже стариннаго друга, съ которымъ Копитаръ могъ бы подѣлиться своимъ восторгомъ надъ сдѣланнымъ открытіемъ. Съ чешскими учеными, позволившими себѣ литературные подлоги во славу отечества, онъ не ладилъ. Тутъ онъ вспомнилъ о Востоковѣ, съ которымъ онъ только что

вошелъ въ переписку годъ передъ тѣмъ. Онъ рѣшился написать ему письмо тотчасъ по полученіи упомянутаго отрывка, который самъ графъ Клоцъ послалъ ему въ Вѣну черезъ одного профессора осенью 1830 года. Высказывая радость объ этой неожиданной находкѣ глаголическаго памятника, онъ просилъ Востокова помочь ему присылкою параллельныхъ кирилловскихъ текстовъ «qui cum ipse sis rei peritissimus, tum in medio sedes codicum rarissimorum et librorum, nobis hic summa utriusque rei penuria laborantibus». Востоковъ отвѣтилъ полною готовностью помогать, доставилъ тотчасъ нѣсколько кирилловскихъ параллелей и, что всего важнѣе, указалъ на Супрасльскую рукопись у каноника Бобровскаго, въ которой дѣйствительно имѣются схожіе тексты.

«Съ живѣйшимъ любопытствомъ, пишетъ Востоковъ, ожидаю появленія въ свѣтъ вашего глаголическаго Остромира, который какъ я надѣюсь пояснитъ намъ многое по части словенскихъ древностей и особенно пополнитъ свѣдѣнія наши о глаголическихъ письменахъ и о связи оныхъ съ кирилловскими. Желая и съ моей стороны способствовать приведенію въ ясность сего предмета, прилагаю при семъ снимокъ нѣсколькихъ строкъ изъ кирилловской рукописи XI вѣка, въ коихъ употреблены начальныя буквы глаголическія. Симъ открытіемъ опровергается предположеніе Добровскаго, что глаголическія письмена изобрѣтены не прежде XIII вѣка». Далѣе онъ подробно разсказываетъ, какъ въ 1821 году имѣлъ въ рукахъ отрывокъ Евгеніевской псалтыри, снялъ для себя fac simile между прочимъ съ трехъ фигурныхъ (инпціальныхъ) буквъ ⰲ ⰶ ⰴ, единственно для странности ихъ, отнюдь не подозрѣвая, чтобы это были глаголическія буквы. Въ то время онъ не занимался глаголическою письменностью. По той же причинѣ онъ не обратилъ вниманія на глаголическую букву ⰰ въ кирилловской рукописи словъ Григорія Назіанзина, на которую впослѣдствіи указалъ ему Кухарскій. Но нынѣ, продолжаетъ Востоковъ, «когда письмо ваше побудило меня особенно заняться разборомъ глаголическихъ буквъ, вспом-

нилъ я о снимкахъ изъ псалтыри Евгеніевой и взглянувъ на оные, нашелъ къ удивленію моему въ нихъ глаголическія буквы» [54]).

Изслѣдованіе Копитара вышло только черезъ пять лѣтъ, т. е въ началѣ 1836 года. У всѣхъ славистовъ оно служитъ драгоцѣннымъ источникомъ и пособіемъ, не устарѣвшимъ до сихъ поръ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ грамматическихъ толкованій. Кромѣ образцоваго изданія самого текста, важность этого изслѣдованія состоитъ въ остроумно написанномъ обширномъ введеніи (Prolegomena), гдѣ Копитаръ главнымъ образомъ старался изложить и убѣдительными доводами обставить свою гипотезу о паннонизмѣ церковно-славянскаго языка. О глаголическомъ письмѣ онъ довольствовался указаніями на факты и мнѣнія, между которыми приводится и имя Востокова, отвергающія предположенія Добровскаго; на положительномъ рѣшеніи въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ онъ не настаивалъ. Мы никакъ не можемъ назвать безпристрастнымъ отзывъ Шафарика объ этомъ трудѣ, высказанный въ письмѣ къ Востокову въ началѣ 1836 года [55]). Приводимыя противъ Копитара слова: Opinionum commenta delet dies: ложныя мнѣнія опровергаетъ время, обратились четверть столѣтія спустя противъ него самого. Новѣйшая наука въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей склоняется въ сторону мнѣнія, намѣченнаго уже Копитаромъ, потомъ же подробнѣе изложеннаго въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ самого Шафарика и другихъ. Но вспомнимъ слова Шафарика, которыми онъ увѣдомлялъ въ 1855 году Погодина объ открытіи пражскихъ глаголическихъ отрывковъ: Надо вопросъ о происхожденіи нашихъ алфавитовъ подвергнуть новому пересмотру, что однакожъ слѣдуетъ сдѣлать съ осмотрительностью и критикою [56]). Такъ скажемъ и мы: Наука должна итти впередъ неустрашимо, но осмотрительно, выводовъ своихъ не навязывать, дожидаясь съ терпѣніемъ, пока тѣнь предразсудковъ разсѣютъ лучи истины. Festina lente!

Въ тѣ годы Шафарикъ былъ занятъ своимъ безсмертнымъ трудомъ, славянскими древностями, предпріятіемъ громаднымъ по замыслу, превосходнымъ по исполненію. Оно обуслов-

лено прежде всего конечно рѣдкою личною энергіею автора, но не подлежитъ сомнѣнію, что на тернистомъ пути сильно поддерживала его вѣра въ смѣлый полетъ славянской науки, которой, чтобы ни говорили въ то время личные ихъ враги, все-же первыми опорами были у западныхъ славянъ Добровскій, Копитаръ, а у русскихъ Востоковъ, всѣ три чуждые болѣзненной романтической примѣси, широко раскинувшейся по многимъ литературнымъ и научнымъ произведеніямъ западныхъ славянъ и ихъ русскихъ подражателей.

Нашему вопросу, т. е. Кириллу и Меѳодію и церковно-славянскому языку, Шафарикъ всегда посвящалъ особое вниманіе. Вѣдь въ немъ славянскій филологъ оспаривалъ право на первенство у славянскаго историка. Уже въ 1826 году, въ исторіи славянскихъ литературъ, дѣятельность слав. апостоловъ излагалась обширно и внимательно; здѣсь онъ придерживался конечно выводовъ добытыхъ изслѣдованіями Добровскаго. Съ его словъ онъ говорилъ и о дѣятельности апостоловъ въ Болгаріи, предшествовавшей поѣздкѣ въ Моравію, и о возвращеніи Меѳодія въ Римъ, гдѣ онъ послѣ 1881 года и умеръ, и т. д. Но приблизительно то же самое, только съ большими подробностями, съ прибавкою нѣкоторыхъ новыхъ соображеній и съ богатою литературною обстановкою, повторялось также въ Древностяхъ. Изложивъ вкратцѣ жизнь и дѣятельность солунскихъ братьевъ, Шафарикъ подробнѣе остановился на вопросѣ, гдѣ и когда началось славянское богослуженіе, желая тѣмъ убѣдительнѣе доказать теорію о болгарскомъ происхожденіи языка и богослуженія славянскаго. Большое значеніе здѣсь придавалось свидѣтельству черноризца Храбра, возраженія Копитара съ сылками на лексическій характеръ церковно-славянскаго языка отвергались доводами, которые намъ теперь уже не кажутся убѣдительными. Главное отступленіе отъ Добровскаго заключалось въ томъ, что Шафарикъ здѣсь уже признавалъ Велеградъ, какъ центръ Великой Моравіи, гдѣ въ 885 году скончался Меѳодій; о Константинѣ онъ допускалъ только, что ему былъ предложенъ папою санъ

епископскій. Объ этой своей статьѣ Шафарикъ написалъ письмо Востокову еще раньше, чѣмъ она вышла. Онъ самъ спѣшилъ выставить рѣзкое различіе между взглядами своими и Копитара: «О Константинѣ и Меѳодіѣ и о родинѣ церковно-славянскаго языка я изложилъ пока свои мысли въ Славянскихъ Древностяхъ, во главѣ которая говоритъ объ исторіи Великой Моравіи. Я постарался обставить ихъ источниками. Мои взгляды принципіально расходятся съ мнѣніемъ Копитара. Надѣюсь, что никто безпристрастный отселѣ не усомнится въ томъ, что Константинъ и Меѳодій, прежде чѣмъ пришли въ Богемію и Моравію, перевели евангеліе и апостолъ и литургическія книги для славянъ болгарскаго царства». [57]) Какъ уже сказано, Шафарикъ самъ былъ тотъ безпристрастный, который потомъ лѣтъ 20 спустя усомнился во всемъ этомъ, и сомнѣнія его теперь раздѣляетъ большинство славянскихъ ученыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ.

Жаль, что Шафарику не удалось составить трудъ, матеріалы для котораго онъ въ это время очень усердно собиралъ (какъ видно изъ писемъ къ Востокову и Погодину [58]), т. е. сочиненіе параллельное къ его превосходнымъ Serbische Lesekörner (1832), только по отношенію къ болгарскому языку. Я жалѣю объ этомъ еще и потому, что мнѣ кажется, разногласіе между нимъ и Копитаромъ прекратилось бы, можетъ быть, еще при жизни послѣдняго; выводы, къ которымъ Шафарикъ пришелъ только въ 1858 году, явились бы, можетъ быть, двумя десятками лѣтъ раньше и при большомъ, вполнѣ заслуженномъ авторитетѣ, которымъ онъ вездѣ пользовался, можно полагать, что согласные взгляды двухъ передовыхъ славистовъ западно-славянскихъ нашли бы тотчасъ откликъ и въ Россіи. Но вышло иначе. Въ Россіи замѣчали, что существуютъ два враждебныя теченія въ западно-славянской наукѣ, и большинство тѣхъ, которые имѣли сношенія съ западно-славянскими учеными, не входя въ подробное разбирательство этого спора, давали предпочтеніе тому, что болѣе соотвѣтствовало ихъ личному сочувствію и расположенію.

Изъ драгоцѣнной переписки Востокова видно, какое участіе

принималъ графъ Румянцовъ въ изданіи русскаго перевода сочиненія Добровскаго о «Кириллѣ и Меѳодіи». Изданіе наткнулось на цензурное препятствіе, потому что разсказъ оказался не совсѣмъ согласнымъ съ редакціею четьихъ миней. Графъ Румянцовъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою «охранить насъ отъ такого стыда» [59]). Почтенный графъ не подозрѣвалъ, что въ данномъ случаѣ цензура стояла, конечно безсознательно, за важный источникъ по исторіи Кирилла и Меѳодія. Онъ не подозрѣвалъ, что въ этихъ четьихъ минеяхъ, такъ неуважительно отвергаемыхъ тогдашними учеными, начиная съ Шлецера и кончая переводчикомъ монографіи Добровскаго, заключался самый драгоцѣнный и первой важности источникъ для біографіи Кирилла и Меѳодія. Доказать это посчастливилось молодому тогда еще русскому ученому, столь много сдѣлавшему впослѣдствіи для церковно-славянскаго языка, Ал. Горскому. Его статья вышла въ 1843 году въ Москвитянинѣ [60]). По всѣмъ правиламъ критики и ученаго толкованія здѣсь доказано большое историческое значеніе минейскихъ житій какъ источника для біографіи слав. апостоловъ. Эта сравнительно очень небольшая статья, можно смѣло сказать, сдѣлала такую же эпоху въ исторіи о Кириллѣ и Меѳодіи, какъ лѣтъ двадцать раньше Разсужденіе Востокова по церковно-славянскому языку. Шафарикъ, у котораго имѣлся уже списокъ житія Кирилла по одной старосербской рукописи [61]), понималъ значеніе этого источника; уже въ письмѣ 5 февр. 1843 г., не получивъ еще статьи Горскаго, а только списокъ текста изъ Макаріевской минеи, онъ называлъ этотъ источникъ драгоцѣннымъ бисеромъ и обращалъ на него вниманіе Погодина. Статью Горскаго онъ прочелъ только зимою 1844 года и назвалъ ее очень занимательною и поучительною [62]). Кажется отсюда онъ узналъ впервые о житіи Меѳодія, котораго у него тогда еще не было; онъ настоятельно просилъ Погодина доставить ему списокъ этого источника. Шафарикъ заявлялъ уже тогда желаніе критически обработать обѣ эти легенды, извѣстныя въ наукѣ подъ названіемъ «паннонскихъ», и приготовить

ихъ для изданія, хотя бы оно вышло только послѣ смерти его. Благородный и восторженный труженикъ славянской науки назвалъ это предпріятіе чудесною темою — и вотъ ему было суждено привести его въ исполненіе въ извѣстныхъ «Юго-славянскихъ достопамятностяхъ» (изданныхъ въ 1851 году въ Прагѣ, новымъ славянскимъ шрифтомъ, приготовленнымъ имъ же при участіи разныхъ русскихъ славистовъ [63]). Горскій обрадовалъ Шафарика также присылкою списка статьи о письменахъ черноризца Храбра, по рукописи Московской духовной академіи; это тотъ важный списокъ, въ которомъ апологія славянскихъ письменъ заключаетъ въ себѣ слова: «сѫть бо еще живи, иже сѫть видѣли ихъ» (т. е. Кирилла и Меѳодія). Шафарикъ приходилъ въ восторгъ отъ этихъ важныхъ словъ [64]).

Еще раньше, чѣмъ вышелъ приготовленный Шафарикомъ текстъ обѣихъ паннонскихъ легендъ, познакомился съ содержаніемъ статьи Горскаго посредствомъ чешскаго перевода ея извѣстный германскій историкъ Ваттенбахъ. Она произвела такое пріятное, полное убѣдительности, впечатлѣніе на него, что онъ поспѣшилъ включить содержаніе ея какъ «Nachschrift» въ книжку, напечатанную въ 1849 г. подъ заглавіемъ: Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Boehmen, гдѣ онъ какъ извѣстно въ первый разъ напечаталъ одно имъ открытое письмо папы Стефана къ королю Святополку. Но настоящимъ достояніемъ обще-европейской исторической науки сдѣлались паннонскія легенды съ тѣхъ поръ только, какъ онѣ подвергнуты подробному критическому анализу извѣстнымъ историкомъ Дюммлеромъ, разобравшимъ очень основательно сначала житіе Меѳодія въ 1854 году, а потомъ въ 1870 году житіе Кирилла. Послѣ Дюммлера, т. е. послѣ напечатаннаго имъ изслѣдованія о житіи Меѳодія, коснулся значенія «паннонических» легендъ А. Викторовъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, а въ 1877 году вышло въ Кіевѣ очень важное сочиненіе А. Воронова, посвященное разбору главнѣйшихъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меѳодія. Сочиненіе это отличается чрезвычайною кри-

тическою трезвостью и занимаетъ именно этимъ качествомъ почетное мѣсто въ литературѣ о Кириллѣ и Меѳодіи [65]).

Еще до изданія текстовъ обоихъ житій, Шафарикъ разыскивалъ съ удивительнымъ усердіемъ слѣды церковной письменности у древнихъ болгаръ, желая лучше освѣтить эту важную эпоху. Онъ успѣлъ собрать драгоцѣнныя указанія, послужившія ему матеріаломъ для замѣчательной статьи, напечатанной въ 1848 году: «Разцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» [66]).

Здѣсь надо еще съ признательностью упомянуть хоть бы въ двухъ словахъ Мацьеёвскаго, посвятившаго вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи и обращенію славянскихъ народовъ къ христіанству довольно обстоятельное разсужденіе въ своихъ «Pamiętniki o dziejach, pismiennictwie i prawodawstwie Słowian» (Warszawa 1839). Онъ опирался не только на изслѣдованія предшественниковъ, но съ своей точки зрѣнія старался дѣятельность слав. апостоловъ распространить очень далеко по сѣверозападному славянству, въ размѣрахъ по нынѣшнимъ болѣе критическимъ взглядамъ науки слишкомъ широкихъ [67]).

Учрежденіе каѳедръ славянскихъ нарѣчій въ русскихъ университетахъ и посылка даровитыхъ молодыхъ людей за границу для изученія исторіи, литературы и быта славянскихъ народовъ— вотъ важный фактъ въ исторіи славянской филологіи сороковыхъ годовъ [68]). До сихъ поръ благородныя стремленія въ пользу научнаго изслѣдованія славянства не находили оффиціальнаго примѣненія, они пріютились было въ частныхъ литературныхъ кружкахъ, обществахъ и гостепріимныхъ палатахъ просвѣщенныхъ вельможъ. Теперь положеніе измѣнилось къ лучшему. Починъ сдѣланъ въ Россіи, примѣру ея со временемъ послѣдовали и въ сосѣднихъ государствахъ, въ предѣлахъ которыхъ живутъ славяне. Но и въ этомъ новомъ, болѣе выгодномъ положеніи славянская филологія не измѣнила тому знамени, которое до сихъ поръ высоко держали ея первые двигатели: на немъ было на первомъ мѣстѣ написано Кириллъ-Меѳодій и ихъ церковно-славян-

скій языкъ. Дѣйствительно первые представители славянской филологіи въ русскихъ университетахъ доказали дѣломъ и словомъ, сколь дорога имъ память славянскихъ первоучителей, и какъ серьезно они понимаютъ свою задачу изслѣдованія церковно-славянскаго языка.

Одинъ изъ молодыхъ путешественниковъ, отправившихся къ славянамъ, задался какъ извѣстно смѣлою мыслью проникнуть въ тѣ мѣста, гдѣ по историческому преданію была родина славянскихъ учителей, въ надеждѣ найти тамъ какія нибудь воспоминанія о дѣятельности не то ихъ самихъ, не то ихъ ближайшихъ учениковъ, наконецъ получить доступъ въ то богатое древнехранилище, на Аѳонъ, гдѣ въ теченіе многихъ столѣтій въ тихомъ уединеніи проживали духовныя лица разныхъ славянскихъ народовъ, занятыя переводами или списываніемъ славянскихъ книгъ. Поѣздка В. И. Григоровича въ Турцію, классическое описаніе этой поѣздки, результаты ея для обогащенія источниковъ нашей науки—всѣмъ такъ хорошо извѣстны, что было бы излишне о нихъ распространяться [69]). И теперь еще мы можемъ съ удовольствіемъ указать на этотъ опасный, но удачный подвигъ русскаго слависта, и съ благодарностью пользуемся привезенными имъ оттуда драгоцѣнными памятниками. Григоровичъ самъ напечаталъ не много, но все, что онъ напечаталъ, отличается глубокомысліемъ и оригинальною сообразительностью. Кто же имѣлъ счастіе быть его ученикомъ или товарищемъ, тотъ никогда не забудетъ благороднаго одушевленія, съ которымъ онъ всегда отзывался о славянской филологіи, въ особенности о памяти славянскихъ апостоловъ и о церковно-славянскомъ языкѣ. Укажу на его рѣчь о значеніи этого языка, произнесенную въ одномъ торжественномъ собраніи 1851 года въ Казани: воспроизведеніе ея какъ разъ подходило бы къ данной минутѣ. Приведу только то мѣсто, гдѣ онъ вполнѣ вѣрно приписываетъ изученію церковно-славянскаго языка въ русскихъ университетахъ троякую задачу: «Охраняя наши преданія, говоритъ онъ, церковно-славянскій языкъ даруетъ намъ общеніе съ предками, сближаетъ насъ

въ обширномъ отечествѣ нашемъ; находясь въ взаимности съ родными нарѣчіями, онъ приводитъ насъ къ общенію съ соплеменниками; наконецъ цѣлостью поясняемый онъ расширяетъ предѣлы нашего сознанія и ставитъ насъ въ обширнѣйшую сферу образованнѣйшихъ народовъ» [70]). Нерѣшенные вопросы славянскихъ древностей привлекали къ себѣ вниманіе Григоровича въ высшей степени. О происхожденіи глаголицы онъ высказывалъ свое оригинальное мнѣніе не разъ и если оно и не было принято наукой, все же приносило ту существенную пользу, что распространяло въ обществѣ, къ которому онъ любилъ обращаться съ живою рѣчью, интересъ и сочувствіе къ подобнаго рода вопросамъ [71]).

Еще больше слѣдовъ преданности къ дѣлу Кирилла и Меѳодія осталось отъ второго слависта изъ этой эпохи, по крайней мѣрѣ въ литературѣ—отъ О. М. Бодянскаго. Его можно бы назвать воспитанникомъ Шафарика, если бы тому удалось окончательно остановить и уравнить порывы пылкой души даровитаго малоросса. Въ первые годы своего заграничнаго пребыванія онъ самъ признавалъ, что занимался славянской филологіею подъ руководствомъ Шафарика. «Онъ для меня, писалъ Бодянскій, цѣлая академія, ему я болѣе всѣхъ обязанъ и сомнѣваюсь, что бы кто нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться какъ онъ. Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины. Это цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каждый день имѣю я случай замѣчать и когда помыслю, чего это стоило ему при трудныхъ его обстоятельствахъ, нуждѣ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь такой неутомимой дѣятельности, твердости и любви къ своему предмету» [72]). Можно представить себѣ, что такой свѣтлый примѣръ долженъ былъ глубоко отпечатлѣться въ воспріимчивой душѣ русскаго ученаго. Поклоненіе Шафарику отразилось дѣйствительно въ переводахъ на русскій языкъ не только многихъ мелкихъ статей пражскаго слависта (онѣ напечатаны въ Чтеніяхъ московскаго общества) а также отдѣльныхъ сочиненій, Народописанія (1843) и Славянскихъ Древностей [73]).

Своими самостоятельными трудами Бодянскій доказалъ, что онъ унаслѣдовалъ отъ Шафарика трудолюбіе и неутомимость, менѣе удалось ему усвоить себѣ его критическіе пріемы[74]). Въ доказательство укажу на его обширное изслѣдованіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», въ которомъ онъ съ изумительною основательностью подобралъ всѣ источники и пособія для рѣшенія заданнаго вопроса, воспроизвелъ до мелчайшихъ подробностей всѣ мнѣнія, высказанныя по этому поводу, но тяжесть собранныхъ матеріаловъ подавила его и не дала ему почти возможности свободнаго движенія. Отъ громадной начитанности, высказавшейся въ полномъ свѣтѣ, слишкомъ далеко отстала способность критическаго анализа. При большомъ напряженіи силъ получены выводы очень незначительные. Поэтому даже этотъ спеціальный вопросъ, связанный конечно не только съ жизнію апостоловъ, но и съ палеографіею и филологической критикою, которыя однакожъ въ трудѣ какъ то незамѣтны, не могъ быть окончательно рѣшенъ; онъ не сдѣлалъ лишними дальнѣйшія изслѣдованія, которыя не преминули явиться и у западныхъ славянъ и въ Россіи[75]). Нечего и говорить, что этотъ трудъ все-таки на долго останется справочною книгою у всѣхъ славистовъ.

Еще громаднѣе затѣянъ планъ Бодянскаго издать всѣ источники, имѣющіе какое либо отношеніе къ жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Онъ намѣревался «для успѣшнаго сколько нибудь составленія новаго критическаго изслѣдованія о дѣятельности Кирилла и Меѳодія собрать всѣ памятники, относящіеся къ этому предмету, написанные на славянскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ». Но для достиженія этой цѣли онъ избралъ самый неудачный способъ изданія[76]). Вмѣсто того, чтобы всѣ списки одного и того же памятника послѣ тщательнаго сравненія издать въ видѣ одного цѣлаго, снабженнаго подстрочными разночтеніями всего того, на что стоитъ обратить вниманіе, онъ поступилъ такъ, что напр. паннонское житіе Кирилла напечаталъ рядомъ по 16 спискамъ. Такимъ образомъ эта одна легенда заняла у него слишкомъ 500 печатныхъ страницъ, т. е. по крайней мѣрѣ въ 10 разъ

больше, чѣмъ нужно было. Житіе Меѳодія напечатано по восьми спискамъ, похвала обоимъ апостоламъ по 15 спискамъ [77]). На этомъ дѣло остановилось, оно остается rudis indigestaque moles. Какъ жаль!

И третій молодой славистъ П. Прейсъ, несмотря на краткость много обѣщавшей его жизни, обнаружилъ въ своихъ отчетахъ и донесеніяхъ министру народнаго просвѣщенія глубокое пониманіе церковно-славянскаго языка какъ центра славянской филологіи [78]).

Послѣдній самый видный представитель перваго поколѣнія русскихъ славистовъ, И. И. Срезневскій [79]), послѣдовалъ примѣру Востокова въ томъ, что не входилъ въ спорные и нерѣшенные еще вопросы изъ жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ [80]), а заботился объ изслѣдованіи самого дѣла, завѣщаннаго намъ преданіемъ вѣковъ, вѣрно расчитывая, что розысками въ области древнеславянской письменности онъ проложитъ славянской наукѣ путь къ полному пониманію и достойной оцѣнкѣ дѣятельности самихъ первоучителей. Нынѣшніе представители славянской филологіи съ благодарностью припоминаютъ, какое множество памятниковъ впервые открыто, описано и отчасти издано И. И. Срезневскимъ; у всѣхъ ихъ въ свѣжей памяти его важный сборникъ неизвѣстныхъ или неизданныхъ до тѣхъ поръ текстовъ южнославянской письменности, имѣющихъ ближайшую связь съ первою (задунайскою) эпохою церковно-славянскаго языка [81]). То о чемъ мечталъ Шафарикъ, желая издать отголоски болгарской письменной старины, совершилось теперь благодаря труду Срезневскаго. Къ Остромирову евангелію, уцѣлѣвшему изъ письменности древне-русской, присоединилась теперь Саввина книга изъ письменности дунайскихъ славянъ и рядомъ съ ними изданныя мною евангелія: Зографское и Маріинское, а также Ватиканское, вотъ тѣ устои, на которыхъ теперь можетъ быть возсозданъ по крайней мѣрѣ одинъ трудъ славянскихъ апостоловъ въ первоначальномъ видѣ, — мысль которою, какъ мы видѣли, задавался отецъ нашей науки Добровскій [82]).

Съ какимъ вниманіемъ И. И. Срезневскій слѣдилъ за всѣми явленіями славянской филологіи, какія остроумныя замѣчанія онъ дѣлалъ на труды Шафарика, Миклошича и другихъ славистовъ, это должно быть извѣстно всѣмъ, кто еще помнитъ его многочисленные отзывы въ Извѣстіяхъ второго отдѣленія. Замѣтимъ еще къ вопросу, насъ сегодня занимающему, что И. И. Срезневскій напечаталъ первый сводный, критически отдѣланный текстъ службы апостолу Кириллу, что имъ впервые издано приписываемое Константину философу «Написаніе о первой вѣрѣ» и по новому списку «Похвала Кириллу философу», приписываемая Клименту [83]).

Изъ заграничныхъ университетовъ обращаетъ на себя вниманіе болѣе всего Вѣна, гдѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ (съ 1849 г.) занялъ каѳедру славянскихъ нарѣчій славный вождь нашей науки въ настоящее время, великій ученикъ Копитаровъ, Миклошичъ. Крупная это величина въ современной филологической наукѣ. И тѣмъ, кто далекъ отъ нашихъ занятій—сдѣлалось это яснымъ недавно, когда юбилейный праздникъ его соединилъ къ дружному участью въ оваціи ученыхъ представителей всѣхъ европейскихъ народовъ [84]). Этотъ творецъ сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, ознаменовавшій безчисленными плодами путь своей жизни, подарившій намъ опять на дняхъ замѣчательный трудъ, параллельный словарь русскаго съ прочими славянскими языками,—и онъ не упускалъ случая, гдѣ и какъ только возможно было доказать свое уваженіе къ дѣлу славянскихъ апостоловъ. Не ему ли мы обязаны церковно-славянской грамматикою въ достойномъ научномъ видѣ, созданной на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ глаголической и кирилловской письменности, на что давно уже указывалъ Востоковъ, какъ на главную потребность славянской науки? [85]) Не онъ ли первый точно опредѣлилъ древнѣйшій, такъ называемый паннонскій типъ церковно-славянскаго языка? [86]) Не онъ ли издалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской письменности, Супрасльскій сборникъ? Не онъ ли сдѣлалъ намъ доступнымъ

второй послѣ евангелія трудъ слав. первоучителей (апостолъ), по Шишатовацкому тексту XIV вѣка? [87]) Не ему ли мы обязаны лексикальною и этимологическою разработкою церковно-славян. языка? [88]) Не по его ли латинскимъ переводамъ и новымъ изданіямъ паннонскія легенды о жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ сдѣлались общедоступнымъ источникомъ для всей ученой Европы? Не онъ ли разобралъ и критически оцѣнилъ христіанско-литургическій характеръ церковно-славянскаго языка, въ чемъ ему предшествовала одна только попытка, сдѣланная въ молодые годы нашимъ достойнымъ сочленомъ Буслаевымъ? [89]) И такъ я могъ бы еще долго продолжать вопросы, на которые всѣ мы, занимающіеся славянскою наукой, съ удовольствіемъ отвѣчали бы: да, все это славныя дѣла Миклошича.

Въ высокой степени полезная и плодотворная дѣятельность первыхъ представителей славянской филологіи въ упомянутыхъ университетахъ принесла и приноситъ свои плоды. Наука, занимавшая въ началѣ столѣтія еще совсѣмъ ограниченное число скромныхъ тружениковъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ и безъ средствъ, поддерживаемая до сороковыхъ годовъ напряженіемъ силъ частныхъ лицъ — съ тѣхъ поръ нашла поддержку и признаніе со стороны правительства, она привилась и пустила глубокіе корни въ средѣ прочихъ филологическихъ дисциплинъ. Любовь къ славянской филологіи сообщилась многимъ, рѣшенію вопросовъ ея стали посвящать себя свѣжія молодыя силы.

Открылись новые пути ихъ дѣятельности. Рядомъ съ каѳедрами славянскихъ нарѣчій въ восьми русскихъ университетахъ и нѣсколькихъ другихъ высшихъ заведеніяхъ (духовныхъ академіяхъ, историко-филологическихъ институтахъ) въ Россіи, теперь уже существуютъ такія же каѳедры въ восьми университетахъ австрійскихъ (въ Вѣнѣ, Прагѣ, Градцѣ, Краковѣ, Львовѣ, Черновицахъ, Загребѣ, Будапештѣ), три въ университетахъ гер-

манской имперіи (въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Лейпцигѣ), по одной во Франціи, Даніи, Швеціи и Сербіи. Относительно нѣкоторыхъ другихъ странъ, какъ Италіи, Румыніи, такое же учрежденіе предвидится въ ближайшемъ будущемъ. Поистинѣ неожиданный, блестящій успѣхъ въ продолженіе неполнаго полустолѣтія!

Что эти новыя силы до сихъ поръ сдѣлали — объ этомъ не мнѣ судить, скажу только отъ имени всѣхъ ихъ нашъ обѣтъ: мы постараемся не измѣнить знамени, переданному намъ достойными нашими предшественниками и учителями; постараемся повести довѣренную намъ науку такъ, чтобы праздникъ первой столѣтней годовщины въ начинающемся съ завтрашняго дня новомъ тысячелѣтіи не помянулъ насъ лихомъ.

Прочное положеніе, которое слав. филологія теперь заняла на ряду съ другими предметами университетскаго преподаванія, отразилось благопріятно и на вопросѣ о Кириллѣ и Меѳодіи. Число разысканій, изслѣдованій и разсужденій, посвященныхъ этому вопросу, стало быстро увеличиваться, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ двадцать тому назадъ возобновлена память о первой поѣздкѣ братьевъ въ Моравію. Съ тѣхъ поръ въ каждой славянской литературѣ вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи нашелъ представителей, написавшихъ произведенія, различныя конечно и по внѣшнему объему и по внутреннему научному достоинству. Достаточно указать на главнѣйшія изъ нихъ. Въ русской литературѣ этому вопросу посвящены, кромѣ выше упомянутыхъ, еще сочиненія Филарета [90]), Гильфердинга [91]), П. Лавровскаго [92]), Бильбасова [93]), Голубинскаго (трудъ послѣдняго, увѣнчанный Уваровскою преміею, остается къ сожалѣнію въ рукописи [94]), Порфирія [95]), Петрушевича [96]) и другихъ [97]). Въ литературѣ чешской укажемъ на сочиненія Штульца [98]), Билаго [99]), Дудика [100]), Первольфа [101]) и другихъ. Въ южнославянской (сербо-хорватской, словенской и болгарской) литературѣ существуютъ изслѣдованія Рачкаго [102]), Ткальчича [103]), Берчича [104]), Чернчича [105]) и другихъ [106]). Въ польской литературѣ мнѣ извѣстны по отношенію къ Кириллу и Меѳодію изданія и изслѣдо-

ванія Бѣлёвскаго [107]), Реттеля [108]), и Громницкаго [109]). Въ нѣмецкой литературѣ достаточно упомянуть Гинцеля [110]), и мимоходныя разсужденія у различныхъ историковъ [111]), во французской укажемъ на Леже [112]) и Мартынова [113]), въ италіанской на Бартолини [114]).

Итакъ не совсѣмъ неподготовленные приступаемъ мы къ завтрашнему празднику. Историко-филологическія изслѣдованія успѣли уже выяснить значеніе Кирилла и Меѳодія въ исторіи культурнаго развитія славянскихъ народовъ. Великое дѣло славянскихъ первоучителей, церковно-славянскій языкъ, занялъ теперь уже подобающее ему мѣсто въ наукѣ, онъ признанъ безпрекословно всѣми какъ превосходное средство для уразумѣнія всѣхъ живыхъ славянскихъ нарѣчій, поэтому онъ живетъ въ церкви у громаднаго большинства, въ наукѣ же у всѣхъ безъ исключенія славянъ. Но наукѣ приличествуетъ скромность. Она не скрываетъ отъ себя многихъ пробѣловъ, которые предстоитъ ей еще восполнить дальнѣйшими разысканіями и изслѣдованіями. По вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи они намѣчены отчасти начатыми, но не доконченными предпріятіями, отчасти желаніями, высказанными уже давно [115]).

Пусть завтрашній праздникъ содѣйствуетъ къ распространенію любви и вниманія къ этимъ вопросамъ, чтобы представители славянской науки, согрѣваемые теплымъ сочувствіемъ окружающей ихъ среды, неустанно продолжали свое дѣло и въ новомъ тысячелѣтіи, руководимые духомъ научной правды и взаимнаго уваженія.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Подлинныя слова легенды по списку Успенскаго собора XII вѣка: съборакъшемъ же сѧ [имъ] въ цвѣтьноую недѣлю вьсѣмъ людьмъ, въшьдъ въ цьркъвь и не могъи каза въ благодати цьсарѧ и кнѧзѧ и клирикы и люди вьсѧ, и рече стрѣзѣте мене, дѣти, до .г҃.-ѥго дьне. ꙗкоже и бысть. свитающоу .г҃.-моу дьни, прочеѥ рече въ роуцѣ твои, господи, доушю мою вълагаю. на роукахъ же иерѣискахъ почи, въ .г҃. дьнь мѣсѧца априлѧ, въ .г҃. индиктъ, въ ѕ҃. и .т҃. и .ч҃. и .г҃. лѣто ѿтъ твари вьсего мира. Здѣсь нѣсколько затрудняютъ слова «и не могъи каза въ благодати». Миклошичъ переводитъ ихъ такъ: quamvis infirmus, praedicans gratias egit. Такой же смыслъ придавалъ этому мѣсту еще прежде Шафарикъ (у Первольфа: i slab jsa, žehnal cisaře . . . такъ и у Бильбасова: и больной благословивъ царя, князя, духовенство и весь народъ, сказалъ. . .), но чтобы такъ переводить, необходимо благодати исправить въ благодарити, противъ чего говоритъ преданіе рукописей. Не лучше ли понимать такъ: «войдя въ церковь, онъ изнемогая отъ слабости поучалъ въ благодати царя и князя и духовенство и весь народъ»? Бодянскій предлагалъ перевести такъ: поручивъ благодати или наставлялъ въ благодати... О какомъ царѣ здѣсь рѣчь идетъ? Конечно, о константинопольскомъ,—новое доказательство въ пользу предположенія, что эта легенда первоначально была написана въ предѣлахъ византійской имперіи, на греческомъ языкѣ. О поученіяхъ (παραινέσεις) Меѳодія говорится также въ греч. легендѣ о св. Климентѣ болгарскомъ.

2) Списковъ доселѣ извѣстныхъ собственно восемь, всѣ они рядомъ напечатаны въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Древн. 1865, кн. 1. Ср. перечень ихъ у А. Воронова, Главн. Источники, стр. 66. Не понимаю словъ Миклошича: «Annum 6394 omnia vitae apographa habent»; сколько я могъ видѣть, вездѣ въ житіи Меѳодія написанъ годъ 6393 (҂ѕтчг). Вѣроятно онъ хотѣлъ указать на противорѣчіе между показаніемъ года въ житіи и въ похвальномъ словѣ, гдѣ дѣйствительно послѣдовательно повторяется годъ 6394 (҂ѕтчд), но тамъ не выставлено число ни мѣсяца ни индикта. Ср. А. Воронова, Главн. Ист., стр. 185

3) Что въ 885 году пасха была 11 апрѣля, явствуетъ изъ формулы Гауса, см. Calendariographie oder Anleitung alle Arten Kalender zu verfertigen von J. J. Litrow. Wien. 1828, 8°, стр. 54, 155; H. Grotefend, Handbuch der historischen Chronologie des deutschen Mittelalters und der Neuzeit. Hannover 1872, стр. 160, 193.

4) Въ Ассемановомъ (глаголическомъ) евангеліи читается подъ 6 апрѣля: и памѧть оусьпениѣ прѣподобьнаего отьца нашего Меѳодіа архиеп(искоу)па въшнѧѧ

Моравъи, брата прѣподобьнааго Кѵрила философа. Трефологій Зографскаго монастыря XIII вѣка подъ тѣмъ же числомъ: и памать о(ть)ца Меѳодіа оучителѣ словѣньскомоу народоу и брата еѫ (sic?) Кирилла философа (Срезн. малоизв. пам. № 68). Въ Охридскомъ апостолѣ (XII вѣка) подъ тѣмъ же числомъ: Въ тои жде дьнъ почи блаженъі ѿць нашъ Меѳодие архиеп(искоу)пъ моравескъ, оучителъ словѣнъскоу жзыкоу, иже прѣложи въскресъ (?) наставль ѱати штъ гречъска въ словѣнескъ жзъікъ. Въ Слѣпченскомъ апостолѣ нѣтъ упоминанія. Въ Саввиной книгѣ сохранился только намекъ въ слѣдующемъ видѣ: мѣ(сѧ)ц(ь) априль .ѕ҃. авьтѹха и мет. (т. е. методиа). Изъ русскихъ евангелій не упоминаютъ Меѳодія: Остромирово, Мстиславово, Юрьевское (XI—XII в.), не упоминаетъ ихъ также Кондакарь XI—XII в. типогр. библіотеки (Сергій полн. мѣсяцесл. I, прил. 23), но въ типографскомъ четвероев. XII вѣка отмѣчено подъ тѣмъ же числомъ: памѧт оц҃а Меѳодіа архіеп(искоу)па морав҆ска; и въ синодальной минеѣ XII вѣка подъ тѣмъ же числомъ: ст҃ма оучителема словѣньскоу ıазыкоу Кѵрила философа и блаженаго Меѳодиıа. «Странно, что служба Кириллу и Меѳодію, находившаяся въ студійскихъ минеяхъ, не внесена въ минеи іерусалимскаго устава и такимъ образомъ празднованіе симъ святымъ было оставлено въ Россіи до новѣйшихъ временъ». Сергій полн. мѣсяцесловъ I. 159. Онъ приводитъ память обоимъ апостоламъ отмѣченную въ типогр. уставѣ XIV в., но въ болѣе древнихъ XII и XIII в. ея нѣтъ (Серг. полн. мѣсяц. I прил. 31). Въ четьихъ минеяхъ легенда о Меѳодіи помѣщена подъ 6 апрѣля въ рукописяхъ изданія Бодянскаго № 2, 3, 4, 5, 6, 8; въ № 7 подъ 4 апрѣля. Въ сборникѣ древнѣйшемъ (Успенскаго собора) XII вѣка она попала не на свое мѣсто, въ мѣсяцъ май, но по похвалѣ, сохранившей въ томъ же сборникѣ отмѣтку дня 6, можно судить, что въ подлинникѣ, съ котораго эти тексты списаны, то и другое (житье и похвала) помѣщалось подъ 6 апрѣля. Такого мнѣнія былъ уже Бодянскій (Чтенія Моск. Общ. 1865 кн. I). Похвала обоимъ апостоламъ внесена подъ 6 ч. апрѣля еще въ № 3, 5, 7, 10, 13, 14 изд. Бод. Изъ старосербскихъ памятниковъ упоминаютъ Меѳодія подъ 6 апрѣля: евангеліе Мирославово (ср. Сергій полн. мѣсяц. I. 102) и апостолъ Шишатовацкій: памать блаженаго штьца нашего Меѳодиıа ıепископа моравьскаа. Въ прологѣ румянцовскаго музея XIII—XIV в. № 319, краткое сказаніе обоимъ апостоламъ помѣщено подъ 25 ч. августа, но память положена подъ 6 ч. апрѣля (ср. К. Калайдовича, Іоаннъ Ексархъ стр. 90). Если не ошибается Мартыновъ (Les manuscrits slaves, Paris 1858, стр. 73), то и въ одномъ глаголическомъ часословѣ римскаго обряда (XIV вѣка) память Меѳодія отмѣчена подъ тѣмъ же числомъ, а по указанію дра. Чернчича въ одномъ глагол. часословѣ XIV в. подъ пятымъ (sic?) апрѣля (Starine XIV. 216), хотя впрочемъ въ римско-глаголическихъ рукописяхъ память обоихъ апостоловъ обыкновенно приводится подъ 14 февр. (ср. И. Берчичъ Dvie službe 12—15), на которомъ и въ кирил. рукописяхъ установилась память и легенда Кирилла (у Бодянскаго № 1, 2, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 14, 15, 16). Трудно объяснить, почему 14-е февраля въ иныхъ рукописяхъ замѣнено 14-мъ октября (у Бодянскаго № 5, 8, 9), какъ днемъ памяти Кирилла; за 14 февраля говорятъ такія древнія свидѣтельства, какъ Остромирово и Ассеманово ев. и множество другихъ памятниковъ (ср. Извѣстія X. 125). Подъ 14 февр. вносилась память Кирилла въ мѣсяцесловы старопечатныхъ книгъ, напр. они отмѣчены въ венеціанскомъ молитвословѣ 1547 года, въ такомъ же сборникѣ (венеціанскомъ) 1566 года (съ тропаремъ и кондакомъ), въ псалтири Загуровича 1569 г. (венеціанской), въ такой же 1638 года, и т. д. Изъ русскихъ книгъ я впервые встрѣтилъ упоминаніе Кирилла въ уставѣ (Московскомъ) 1610 года, гдѣ подъ 14 февр. приводится память «Ѿца нашего Кирила еп҃па катаскаго оучит҃лѧ слшвено и болгарѡ иже преложи рѹскѹю грамотѹ съ греческіѧ и кр҃ти словены и болгары» (есть тропарь и кондакъ).

5) П. Эвальдъ высказалъ по поводу ново-открытыхъ регестъ папскихъ писемъ (въ Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde, B. V., въ изслѣдованіи: die Papstbriefe der brittischen Sammlung, стр. 408) мнѣніе, что Меѳодій скончался 887—888 г. Противъ этого мнѣнія справедливо возражалъ о. Мартыновъ въ статьѣ «Saint Méthode apôtre des Slaves et les lettres des souverains pontifes conservées au british museum» (Revue des Questions historiques, Octobre 1880, отд. отт. стр. 26—30). Издатели ново-открытыхъ регестъ, по скольку они относятся къ славянамъ (Миклошичъ и Рачкій), слѣдуя примѣру Эвальда, опредѣляютъ время написанія инструкціи, данной папою Стефаномъ VI двумъ посламъ, отправленнымъ къ Святополку, годомъ 887 — 888 (Starine, knjiga XII, str. 220); я соглашаюсь съ Мартыновымъ и отношу какъ письмо такъ и инструкцію къ концу 885-го или началу 886-го года. Разсужденіе о. Мартынова убѣдило также Эвальда, какъ доказываютъ его слова, въ томъ же нѣмецкомъ журналѣ, томъ VI, стр. 470—471. См. еще časopis česk. mus. 1881, стр. 286—305.

6) Славянское богослуженіе существовало въ теченіе столѣтій не только у всѣхъ православныхъ славянъ, но также у части славянъ западной церкви. Право на славянское богослуженіе было однакожъ у послѣднихъ постоянно оспариваемо. Для далматинско-хорватскихъ славянъ см. Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia, coll. diges. expl. dr. Fr. Rački (Zagrabiae 1877) стр. 188—9, 204, 206, 210; Thomae archidiaconi spalatensis Historia salonitana cap. XVI; Шафарикъ Památky hlaholského písemnictví, стр. XLIII—LI. Для чешскихъ славянъ см. Ваттенбахъ Die slavische Liturgie in Boehmen (Breslau 1857) стр. 220—233, И. С. Пальмовъ: Памятники Кирилло-Меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи (напеч. въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, стр. 41—56) и В. Э. Регель: Учредительныя грамоты пражской епархіи (тамъ же стр. 265—330). О славянскомъ богослуженіи у Чеховъ послѣ IX столѣтія существуютъ разногласныя мнѣнія въ новѣйшей исторической литературѣ чешской, ср. статью д—ра И. Калуска (Kalousek): O novém předělávání české historie za věku sv. Lidmily въ «Часописѣ» чешскаго музея 1882, стр. 477—488, 1883, стр. 593—602. Относительно «предкарпатскихъ» странъ обращаетъ на себя вниманіе сочиненіе А. С. Петрушевича: «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія» (Львовъ 1882). Любопытныя данныя о томъ, какъ славянское богослуженіе въ Далмаціи и въ предѣлахъ хорватскаго Приморія еще въ нашемъ столѣтіи въ силу вещей мало по малу уступало латинскому, содержатъ брошюрки «Crtice o slovenskoj liturgiji, sastavio ih o. Šimun Milinović, Zadar 1880», «Razprava ob obstoječoj porabi staroslovenskoga ili glagoljskoga jezika u sdruženih biskupijah senjskoj i modruškoj, u Bakru 1882».

7) Значительная распространенность житій Кирилла и Меѳодія въ теченіе 15—17 вв. видна изъ немалаго числа текстовъ, найденныхъ до сихъ поръ въ четьихъ-минеяхъ или сборникахъ поученій. Легенда о Кириллѣ извѣстна доселѣ по 17-ти спискамъ, которые перечислены въ изданіи Миклошича (1870 г.), къ которымъ надо еще прибавить два новыхъ списка, отпечатанные у Бодянскаго № 14 и 15. Да это не всѣ. Преосв. Порфирій читалъ одинъ текстъ въ четьихъ-минеяхъ Хиландарскаго монастыря, ср. Труды Кіевской дух. академіи 1877 г., томъ 4-й, стр. 92 и слѣд. Помнится, что и я въ собраніи рукописей Михановича, которое теперь въ Загребѣ, нашелъ одну четью-минею 15—16 вѣка, содержащую, кажется, ту же легенду, я не успѣлъ еще сличить ее съ изд. текстомъ. О спискахъ житья Меѳодія см. въ примѣч. 2. Какъ извѣстно, по рукописнымъ четьимъ-минеямъ составлено въ концѣ XVII вѣка Дмитріемъ Ростовскимъ особое сказаніе о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія, ко-

торое заслонило собою древнія легенды. Оно напечатано въ изданіи 1700 года (Книга Житіи Стыхъ) на лл. фл—фмв подъ ІІ ч. мая: Житіе и трꙋды прпбныхъ Ѿцъ нашихъ Меѳодіа и Константіна нареченнаго Кирилла еппѡвъ моравскихъ оучтлей словенскихъ. На источникъ указано на поляхъ страницы: Ѿ различныхъ харатейныхъ четій сокращеніе. По этой передѣлкѣ Димитрія Ростовскаго узналъ о слав. апостолахъ Татищевъ, она легла въ основаніе разсужденія у Шлецера.—Проложныхъ житій имѣется также не мало списковъ. Одинъ текстъ о Меѳодіи напечатанъ Калайдовичемъ по румянцовскому списку XIII — XIV в. (Іоаннъ Ексархъ стр. 90), параллельный съ нимъ текстъ бѣлградскаго пролога напечатанъ др. Янкомъ Шафарикомъ въ XVI книгѣ «Гласника», перепечатанъ же И. И. Срезневскимъ въ Запискахъ VI, стр. 108—110, и самостоятельно по тому же подлиннику Вл. Ив. Ламанскимъ въ Запискахъ VI, прил. № 1, стр. 112 — 3. Въ другой редакціи, по прологамъ XV — XVI в., напечатаны отдѣльно житіе Кирилла и житіе Меѳодія въ приложеніи къ «Кириллу и Меѳодію», переведенному М. Погодинымъ, (стр. 103—107). Гильфердингъ нашелъ и напечаталъ въ Извѣстіяхъ VI, 383—6 особую редакцію житья Кирилла (перепечатанную Бильбасовымъ съ разночтеніями по одному молдавскому списку II, 238—246). Довольно своеобразный разсказъ о томъ, какимъ чудомъ Кириллъ изобрѣлъ письмена, напечатанъ впервые въ «Гласникѣ» кн. VIII, перепечатанъ потомъ Бильбасовымъ (II, 217—219) и снова самостоятельно, можетъ быть не по тому же списку, преосв. Порфиріемъ въ Трудахъ Кіев. дух. акад. н. н. м. Сл. мои критическія замѣтки въ Archiv für slav. Philologie IV, 297 и слѣд. См. выше прим. 4.

8) Похвала слав. первоучителямъ Кириллу и Меѳодію вмѣстѣ напечатана Бодянскимъ въ Чтеніяхъ 1865, кн. 2, 1866, кн. 2, по 15-ти спискамъ, начиная съ древнѣйшаго XII в. (№ 1). Можно указать еще на 16-й списокъ, изданный Даничичемъ въ Starine кн. I-й. Короче и менѣе содержательною, а болѣе риторическою вышла та похвала одному Кириллу (безъ Меѳодія), которая въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ напечатана по двумъ рукописямъ, одной XIII и одной XV вѣка, Срезневскій же по этимъ и еще другимъ рукописямъ составилъ сводный текстъ этого панегирика въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ № 37. У меня отмѣчено, что и въ Михановичевой рукописи № 23 имѣется тотъ же текстъ. Иныя рукописи, но не древнѣйшія, приписываютъ эту краткую похвалу Клименту, что—не очень правдоподобно. — На службы слав. апостоламъ первые обратили вниманіе Горскій и Григоровичъ, послѣдній издалъ въ Казани 1862 г. службы Кириллу и обоимъ апостоламъ вмѣстѣ. Его и Горскаго разсужденіе вм. съ текстами перепечатаны въ Кирилло-Меѳод. сборникѣ, гдѣ также сравненіе обоихъ текстовъ сдѣлано П. С. Казанскимъ и разночтенія изъ другихъ старыхъ рукописей приведены А. И. Арсеньевымъ. Новое сводное изданіе службы св. Константину по восьми спискамъ сдѣлалъ И. И. Срезневскій въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ № 28. Къ службѣ св. Меѳодію, изданной Григоровичемъ, найденъ до сихъ поръ только одинъ параллельный текстъ, онъ изданъ (очень плохо) въ «Българскы книжици» за 1860 годъ, ч. III, кн. вторая, стр. 54—59. О службахъ тѣмъ же апостоламъ по глаголическимъ спискамъ римскаго обряда, изданныхъ Месичемъ и Берчичемъ, достаточно указать на образцовое изложеніе въ прекрасномъ трудѣ Воронова (207—222, въ приложеніи перепечатанъ текстъ), съ моими критическими замѣтками въ Archiv f. sl. Phil. IV. 118—120. О чествованіи Кирилла и Меѳодія вмѣстѣ съ учениками подъ общимъ названіемъ святыхъ седмичисленниковъ см. теперь хорошія указанія въ статьѣ проф. М. Дринова (Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о слав. первоучителяхъ, Спб. 1885, отд. отт. изъ Ж. М. Н. Пр. 1885, апрѣльская кн.).

9) На зависимость разсказа первоначальной русской лѣтописи преимущественно отъ житія Меѳодія по паннонской легендѣ указано впервые Горскимъ, потомъ М. И. Сухомлиновымъ въ статьѣ «О древней русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ», въ Ученыхъ Запискахъ т. III, и Бодянскимъ въ извѣстномъ трудѣ «О врем. происх. письменъ», стр. 61—65. Желателенъ однакожъ болѣе подробный разборъ этого отношенія; въ русской лѣтописи разсказываются и такія вещи, какихъ въ «паннонскихъ» житіяхъ совсѣмъ нѣтъ, напр. «костѧнтинъ же възврати сѧ въспѧть и иде оучитъ болгарьскаго ӕзыка». Въ этомъ смыслѣ составлено сказаніе въ проложномъ житіи, напечатанномъ М. Погодинымъ, но оно пока извѣстно только по рукописи XV вѣка. Составитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» читалъ, должно быть, кромѣ полныхъ житій о Кириллѣ и Меѳодіи, еще какое-нибудь сокращенное, проложное сказаніе, гдѣ уже упоминалось о «болгарской дѣятельности» Кирилла. Для критической оцѣнки различныхъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіи этотъ фактъ довольно важенъ.

Съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія знакомили нашихъ предковъ еще и хронографы, т. е. универсальныя исторіи среднихъ вѣковъ, гдѣ часто помѣщались статьи «о преложеніи книгъ отъ греческаго на словенскій и сказаніе вкратцѣ о рожденіи и о житіи св. Кирилла Философа», ср. А. Попова, Изборникъ слав. и русск. сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы, стр. 137. Сказаніе одного хронографа напечатано М. Погодинымъ въ приложеніи къ «Кириллу и Меѳодію» стр. 103 — 120; ср. Бодянскаго «О происхожд. слав. письм.» 91 и слѣд. Часть текста, напечатаннаго Погодинымъ, въ болѣе исправномъ видѣ издалъ Авг. Бѣлёвскій въ своихъ Monumenta Poloniae Historica I, стр. 90—91.

Не малою популярностью пользовалась также статья черноризца Храбра о слав. письменахъ, ср. о распространеніи ея по рукописямъ въ изслѣдованіи Бодянскаго примѣчаніе 46-е (стр. XXX—XXXII). Статья, какъ извѣстно, вновь издана Калайдовичемъ, въ «Іоаннѣ ексархѣ болгарскомъ» стр. 189—192, съ указаніями на существованіе ея въ печатномъ видѣ, въ изданіяхъ XVII — XVIII вѣковъ (ib. стр. 88—89) и потомъ перепечатана чаще (Шафарикомъ, Палаузовымъ, Гатталою, недавно Дучичемъ и т. д.). На азбуку Бурцова указано опять въ наши дни въ Московскихъ вѣдомостяхъ 1885 г. № 92. И Бодянскій въ статьѣ «о древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяноболгарскій». (Ж. М. Н. Пр. 1843, ч. 38, отд. II, стр. 130—168) пользовался печатнымъ текстомъ Бурцова и Новикова. Не слѣдуетъ забыть, что по берлинскому сборнику (средне-болгарскому XIII в.) особая редакція статьи Храбра напечатана Вукомъ Караджичемъ въ его «Примјери српско-славенскога језика» 1857. стр. 7—9.

10) Говоря о «славянской наукѣ» я имѣю въ виду славистику, понимая ее въ нѣсколько болѣе обширномъ значеніи, чѣмъ оно обыкновенно соединяется съ названіемъ «славянская филологія».

11) См. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности, томъ XIII, стр. 61. Понятія Шлецера о славянскихъ нарѣчіяхъ и ихъ отношеніи къ церковнославянскому языку были въ то время еще очень неопредѣленны, ср. тамъ же 476—477.

12) Слова Шлецера (въ нѣм. изд. III, 187, въ русск. перев. II, 477) повторены Калайдовичемъ въ самомъ началѣ «Іоанна Ексарха» (стр. 3) и потомъ еще разъ Погодинымъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, стр. 88. Шлецеръ, какъ видно изъ ссылокъ его (III. 188. 197), зналъ тогда, когда писалъ свою десятую главу, посвященную вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи, не только изданіе лѣтописи Гайка, сдѣланное Добнеромъ, но также нѣкоторыя статьи его, помѣщенныя въ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften, а также

статью Добровскаго, въ которой тотъ оспаривалъ древность глаголицы. Шлецеръ былъ конечно на сторонѣ Добровскаго (II. 327), называя глаголицу «глупою» (albern) III. 188.

13) См. нѣмецкое изданіе Шлецера I. 41, русск. перев. I. стр. ѯг: «Каковы были эти первыя кирилловскія буквы, какъ и когда пришли они къ Руссамъ? это никому неизвѣстно»; II. 325—6 (безъ русскаго перевода): «Gerade um die Zeit, da Kyrill sein Wesen unter den Mären trieb, bildete sich ein neuer Slavenstaat in Novgorod. Auch hier waren die Leute halb Wilde und blieben es, bis im J. 988 auch unter sie, von Constantinopel her, Taufe und Schreibkunst kam. Unstreitig ist dieses ABC, so wie man es in den ältesten russischen Manuscripten findet, aus dem griechischen... aber ist es eben dasjenige, das Kyrill den Mären gab? Meines Wissens existirt keine slavonische Zeile mehr, die älter als die ältesten russischen Manuscripte wäre. Unstreitig haben die Russen damals auch eine slavonische Bibel-Uebersetzung bekommen: aber war es die Kyrillsche oder eine neue Uebersetzung? Lauter noch unbeantwortete Fragen».

14) См. нѣмецкое изд. Шлецера III. 221, русскій переводъ II, 541. «Что употребляющіяся еще и теперь въ русской церковной печати славянскія буквы, суть настоящія древнія кирилловскія, это конечно неподвержено сомнѣнію, хотя въ теченіе столѣтій въ чемъ нибудь и измѣнились. Но *какъ*, *когда* и *откуда* именно принесены онѣ въ Русь? Возможно ли, чтобы еще и по сію пору не найдено было ничего писаннаго сими буквами въ такихъ земляхъ, въ которыхъ неоспоримо употреблялся въ церковной службѣ славянскій языкъ и греческій обрядъ? Важные вопросы, которые рѣшить можетъ только будущее время». (Замѣчу кстати, что переводчикъ невѣрно передалъ смыслъ нѣмецкаго подлинника во второмъ вопросѣ. Надо было перевести такъ: Какъ объяснить себѣ, что до сихъ поръ не найдено и т. д.) Изъ словъ «въ такихъ земляхъ, въ которыхъ неоспоримо употреблялся въ церковной службѣ слав. языкъ и греческій обрядъ», подъ которыми Шлецеръ подразумѣвалъ Моравію Ростислава, можно заключить, что онъ въ полемикѣ между Добнеромъ и Добровскимъ держалъ сторону перваго.

15) См. нѣмецкое изданіе III. 149. русскій переводъ II. 406: «Крещеніе Моравовъ по греческому обряду, начало письма у славянъ, переводъ библіи — три любопытныя и для всей церковной исторіи и исторіи просвѣщенія важныя произшествія. До Руссіи и до Русскія исторіи они ни по чему прямо не принадлежатъ. Кириллъ и Меѳодій крестили только Моравовъ; а Руссы крестились спустя 100 лѣтъ послѣ и совсѣмъ по другимъ причинамъ; по чему сіи апостолы и не вошли въ число русскихъ святыхъ; но прочіе христіане, а особливо Моравы и Богемцы ежегодно празднуютъ память обоихъ 9 марта». Хотя эти слова Шлецера не совсѣмъ вѣрны (уже русскій переводчикъ указалъ ему на то, что «православная наша церковь празднуетъ память сихъ преподобныхъ 11 мая»), они все-таки достопамятны именно для нашихъ дней. Шлецеръ утверждалъ, что Кириллъ и Меѳодій не принадлежатъ Россіи и Русскимъ; теперь же многіе въ Россіи возражаютъ, что они не принадлежатъ чехамъ и прочимъ западнымъ славянамъ. Какое странное недоразумѣніе!

16) Ср. нѣм. изданіе III. 149. 223, русскій перев. II. 406. 545. О церковнославянскомъ языкѣ какъ общемъ всѣмъ славянамъ I. 46, русскій переводъ I. ок.

17) Ср. нѣм. изд. III. 234, русск. перев. II. 582.

18) Сочиненіе Стредовскаго уже у Шлецера приводится между «негодными» пособіями, о чемъ онъ могъ знать по отзывамъ Добнера. Добровскій разобралъ это сочиненіе на первыхъ страницахъ своего «Кирилла и Меѳодія».

19) Уже въ 1775 году Адауктъ Фойгтъ напечаталъ въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Boehmen, Band I, p. 164—199, статью о славянскомъ письмѣ, о кириллицѣ, подъ заглавіемъ: Untersuchung über die Einführung der Buchstaben und des Schreibens in Boehmen. Гелазій Добнеръ въ поясненіяхъ къ тексту лѣтописей Гайка, изданныхъ имъ же въ 1761—1772, высказывалъ чаще мнѣніе, что глаголица старше кириллицы, но безъ особенныхъ доказательствъ. Противъ него направлено разсужденіе Добровскаго въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft B. V. (1782), въ статьѣ: Ueber das Alter der boehmischen Bibelübersetzung 300—322, гдѣ онъ въ «Anhang» (318—322) разбираетъ глаголицу и отвергаетъ ея древность. Чтобы оправдать свой взглядъ Г. Добнеръ написалъ въ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften B. I. 2-te Abtheilung (въ 1785 году) изслѣдованіе подъ заглавіемъ: Aufwerfung einer historisch-kritischen Frage: Ob das heut zu Tage so genannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heiligen slawischen Apostels Cyrills zu halten sey? (стр. 101—139). Но такъ какъ Добровскій въ упомянутой статьѣ отрицалъ также существованіе славянскаго богослуженія въ собственной Чехіи, раньше появленія туда сазавскихъ монаховъ, то Добнеръ желалъ опровергнуть и это мнѣніе. Съ этой цѣлію онъ напечаталъ въ 1786 году (во второмъ томѣ Abhandlungen der boehm. Gesell). статью: Ueber die Einführung des Christenthums in Boehmen, стр. 394 —444, и какъ дополненіе къ ней въ 1788 г. (тамъ же въ IV томѣ стр. 283—299) статейку «Ueber das Alter der boehmischen Bibelübersetzung von P. Gelasius Dobner». Положеніе Добнера въ данномъ случаѣ было нѣсколько странное. Отстаивая съ одной стороны участіе Меѳодія и слав. богослуженія въ обращеніи къ христіанству чеховъ, съ другой стороны онъ доказывалъ тенденціозно и не безъ натяжекъ, что дѣятельность слав. первоучителей не только по духу ученія соотвѣтствовала требованіямъ римскихъ папъ, но и въ богослужебной части была организована по обрядамъ западнымъ, не восточнымъ. Этотъ взглядъ проводится въ статьѣ, напечатанной въ первомъ томѣ Abhandlungen der boehm. Gesellschaft der Wissenschaften 1785, стр. 140—177. Легко представить себѣ, что Добровскій, основательно изучившій переводъ св. писанія и характеръ различныхъ церковныхъ книгъ, не могъ согласиться съ мнѣніемъ Добнера. И это несогласіе, можетъ быть, толкало его въ крайность, которой онъ упорно придерживался относительно глаголицы до конца жизни.

20) Исторія государства Россійскаго, томъ I, прим. 262.

21) Ср. статью Добровскаго «Handschriften der Biblischen Bücher» въ его Slavin-ѣ (Прага 1808), стр. 266 и слѣд.

22) Ср. въ Slavin-ѣ статью Добровскаго «Ueber die altslawonische Sprache nach Schlözer, mit Anmerkungen von I. D.» 362—388.

23) Ср. Филологическія Наблюденія А. Х. Востокова, изд. И. И. Срезневскій (Спб. 1865), стр. XVIII. Къ переводу Востоковъ прибавилъ нѣсколько подстрочныхъ примѣчаній, они напечатаны тамъ же на стр. XVIII—XXI.

24) Эта переписка выйдетъ на дняхъ какъ отдѣльный томъ «Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности». Я позволилъ себѣ важнымъ содержаніемъ ея воспользоваться, на сколько необходимо было, для настоящей записки.

25) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 14. 22.

26) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 45. «Schlözer ist für seinen Nestor zu sehr eingenommen, daher liess er die lat. Berichte wenig gelten. Als Rastislav um bessere Lehrer bat, hatte Cyrill schon slaw. Bücher verfasst und

diess veranlasste eben den Fürsten Rastislaw an Kaiser Michael zu schicken. Cyrill kommt von Konstantinopel und bringt ein slaw. Ewangelienbuch mit. Diess sagt die älteste Legende ausdrücklich. Schlözer hat sich vergriffen und die 2-te (spätere) abdrucken lassen und eine ganz neue russiche Fabel obendrein. Die vielen griechischen und nach dem griechischen gemodelten Wörter sind schon ein Beweis, dass die ganze Anstalt den Slawen um Thesalonich und in Servien galt. Da Cyrill durch die Bulgarey nach Mähren ging, so liess man ihn auch an der Bekehrung der Bulgaren Antheil nehmen»; ср. тамъ же стр. 73.

27) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 189. «Methods Bibelsprache ist.. nicht untersteurisch oder windisch, aber ihr doch näher als dem Mährischen. Als Method nach Rom ging (867), liess er slaw. gottesdienstl. Bücher zurück, allein nach Mähren kamen sie (die Bücher und die Apostel selbst) aus der Bulgarey, aus Macedonien, Servien und immediate aus Constantinopel. Den grössten Lärm und Aufsehen machte die slaw. Literatur in Mähren und Pannonien, weil es den deutschen Priestern anstössig war. In griechischen Provinzen verbreitete sie sich im stillen schon früher, so dass es dem Rastislaw von Boehmen zu Ohren kam.»

28) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 73, Slavin стр. 233. 285.

29) Письма Добровскаго и Копитара стр. 75: «Ein Glück war's, dass Cyrill so früh erschien, dass seine Uebersetzungen bald nach Russland kamen. Er fand noch eine unverdorbene Sprache, griechische Wörter etwa ausgenommen». Ibid. 117: «Wie gut war es, dass Cyrill so frühe kam, wo noch die edleren Wörter gang waren». «Cyrill war kein Purist: spira, trapeza etc. beweisen es» 125.

30) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 115: «Die Russen haben es freylich mit Cyrills Uebersetzung arg getrieben, aber die Servier nicht weniger. Nicht nur den Text änderte man nach jüngeren griech. Handschriften, sondern auch die Wörter, doch seltner die Flexionen... Der cyrillische Psalter und die Evangelien lassen sich leicht herstellen».

31) Письма Добровскаго и Копитара, стр. 246. «Auf die neuen Data zu Cyrills Leben bin ich begierig, erwarte aber nichts grosses. Der Bulgar (это житіе Климента) ist sehr schätzbar und die Russen schöpften aus ihm; dabei kommt auch die ältere lat. Legende zu Ehren. Eine kritische Revision alles dessen, was über Cyrill da ist, wäre wohl vonnöthen, Schlözero sic optante». Ibid. S. 396: «Das Leben Cyrills und Methods (14. febr.) bei Butler, der nun aus dem Englischen ins Französische übersetzt ist, bringt mich auf diesen heilsamen Gedanken. In nota dicitur Slavonicam linguam idoneam esse ad hoc, ut universalis fiat. Quam verum!»

32) Копитаръ сталъ уговаривать Добровскаго съ самаго начала ихъ переписки, уже въ первомъ письмѣ изъ Вѣны (6 февр. 1809), взяться за грамматику церковно-слав. языка (Письма стр. 34). Добровскій отвѣтилъ ему (Письма 46), что онъ уже серьезно объ этомъ подумываетъ. Копитаръ полагалъ, что именно теперь наступило время: теперь славяне на очереди (стр. 60); онъ мечталъ уже о каѳедрѣ церковно-славянскаго языка въ Вѣнѣ (стр. 134. 140. 164), гдѣ Добровскій положилъ бы основаніе цѣлой школѣ славистовъ (170). Узнавъ же о томъ, что Добровскій уже кое - что написалъ, онъ съ восторгомъ говорилъ, что его грамматика ожидается всѣми «a Ragusa ad Mosquam votis expetita ardentissimis et excipienda cum jubilo» (стр. 219), «exspectat tota slavitas» (273), что аккуратные нѣмцы ждутъ появленія ея въ свѣтъ, чтобы накинуться на изученіе слав. языковъ (253. 299), «mecum rogat Humbold, mecum omnes Germani cupidi discendi linguam slavam, mecum Slava Slavorum. Nescis quantae miseriae sis succursurus. Ipsi graeci ritus Slavi ex te tandem discent linguam, quam nunc ex magna parte nonnisi recitant, non intelligunt» 304 и т. д.

33) Письма Добровскаго и Копитара стр. 22: «Ich fange, wenn ich Schüler habe, die als Philologen das Sprachstudium treiben, immer mit dem Altslawischen an und mit Nutzen», ср. стр. 172.

34) Сборникъ статей отдѣл. русск. языка и слов. томъ V, вып. 2, въ которомъ переписка А. Х. Востокова, стр. 29.

35) Письмо Нибура Копитару напечатано въ моемъ журналѣ «Archiv für slavische Philologie». I. стр. 152—153. «Die Freude, welche Sie mir gewährt, ward nur durch eine Wehmuth verbittert: Ihr Geschenk kam an einen Unwürdigen, da ich seit fünfzehn Jahren... der slavischen Sprache, leider, wieder fremd geworden bin; ich würde alles vergessen haben, wenn ich sie nicht einst mit Leidenschaft erlernt hätte. Damals, wo ich mir, so gut es gehen wollte, aus den historischen Büchern des N. T. und dem Psalter eine Art Grammatik zusammenflikte, wäre ich selig gewesen, wenn es ein Buch wie das Dobrowskische gegeben hätte..... Möchte ich alle Philologen bewegen können Dobrowski zu beschwören, eine kritische Ausgabe der ächten Version zu geben».

36) Письма Добровскаго и Копитара стр. 473; «Wie wäre es, пишетъ Копитаръ (8 мая 1822), wenn Sie wieder hieher kämen, dass wir das zu Lesende zusammen absolviren und das Lexicon ordnen etc. Und vielleicht mitunter zur Herstellung der cyrillischen Urversion den Grund legen, ehe wir auf den Athos gehen. Verhovacz hat sich bereits erboten, zu dieser Reise beizusteuern; aber ich glaube Rumjanцовъ wird keinen Gesellschafter leiden». Ibid. 485: «Sie sehen seinen (т. е. Нибура) lebhaften Dank und noch lebhaftern Wunsch nach Ihrer Herstellung des Urcyrillus. Verhovacz will der Maecenas sein. Also—accingere». Въ письмѣ 25 февр. 1823 г. Копитаръ снова спрашиваетъ: «Ist was daran, an der Reise auf den Athos? Oder doch an der auch so zu effectuirenden Wiederherstellung Kyrills?».

37) Грамматика вышла и—въ томъ же году стали уже разсуждать о сокращенномъ изданіи, для составленія котораго предназначался ученикъ Добровскаго — Ганка (Письма Добровскаго 458. 477). Потомъ Добровскій собирался самъ это сдѣлать (487. 512), онъ высказывалъ желаніе, для новаго изданія приготовить новый шрифтъ славянскій по образцу древнѣйшихъ рукописей (497). Прибавленія и поправки накоплялись. «Das fleissige Durchlesen der zerstreuten Auszüge aus alten Codd. im Karamsin, besonders aber der Denkmahle aus dem XII Jahrh. war mir sehr erspriesslich. Die Ränder meiner Grammatik sind nun voll Bemerkungen» (Письма 488). «Die Seiten meiner Grammatik sind voll Zusätze und Bemerkungen, die ich unserem Museum vermachen will, wenn ich keine 2-te Auflage erleben sollte» (495). «Das Compendium einer slaw. Grammatik würde mich in Wien beschäftigen, wozu ich diesen Winter (1824 — 25) viel gesammelt habe» (513). «Damit das viele beigeschriebene in meinen Institutiones nicht verloren gehe, will ich mich zu einem Compendium entschliessen». (536).

38) См. Сборникъ отдѣл. русск. языка томъ V, вып. 2. Переписка А. Х. Востокова стр. 280. Копитаръ писалъ Востокову 30 апр. 1830 г. «Einen Ihrigen Brief an unsern seligen Altmeister Dobrovsky verdanke ich seiner letzten Anwesenheit in Wien, so wie sein mit reichen Marginalien versehenes Exemplar seiner Institutiones zu einer zweiten Ausgabe».

39) Когда Добровскій утверждалъ «Die ersten Uebersetzungen hat Cyrill gewiss schon zu Konstantinopel verfertigt» (Письма 73), Копитаръ спрашивалъ его: «Existirt ein Beweis darüber, auch nur eine historische Conjectural-evictio?» (85). Когда же Добр. повторялъ слова, приведенныя выше въ примѣч. 27, Копитаръ опять возражалъ: «sed ubi scriptum est, quod supponis de Cyrillo et Methodio, aut saltem quibus argumentis nititur hypothesis?» (193). Въ одномъ

письмѣ Копитаръ желалъ убѣдить Добровскаго слѣдующими словами: «Dialectus bulgarica, quantum hucusque novimus, et nunc differt a serbica, propiorque est slovenicae. Cyrilli lingua aut Vindorum fuit vetus aut Bulgarorum; Serbicae dialecto nonnisi tertius locus competit in affinitate» (Письма 437). Это вѣрное замѣчаніе сдѣлано уже въ 1818 году, т. е. еще до напечатанія церковно-слав. грамматики Добровскаго.

40) Копитаръ возражалъ очень убѣдительно противъ сербской теоріи Добровскаго въ рецензіи на грамматику, напечатанной въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1822, 17 томъ, стр. 71 — 73. Предварительно онъ высказалъ свои сомнѣнія уже въ газетѣ «Oesterreichischer Beobachter» 1822, № 52, отъ 21 февраля, стр. 219. Изъ этой статьи, мало доступной, приведемъ главныя мѣста (по выпискамъ г. Менчика въ Вѣнѣ): Was der verewigte Schlözer mitten in Petersburg und Göttingen, nur von Wien aus, als dem altkultivirten Mittelpunkte, auch der Slavenwelt, erwartete, geht nach und nach in Erfüllung. Was aber Schlözer kaum von hier aus erwartete, ist eine dem gelehrten Abendlande zugängliche Grammatik der altslavischen Sprache, die noch heute zu Tage die heilige (Kirchensprache) aller Slaven graeci ritus (36 Mill.) und selbst der römisch-katholischen sogenannten Glagoliten in Dalmatien und Istrien ist. Diese Sprache ist ein süd-donauischer Dialekt (des IX Jahrh.), der damals durch die bekannten zwei griechischen Apostel der Slaven, die Gebrüder Cyrill und Method aus Salonik in Macedonien, unter allen slav. Mundarten zuerst zur Schriftsprache fixirt ward; die aber heutigen Tages nirgends mehr als Redesprache üblich, sondern als (nun todte) Sprache des Gottesdienstes von den Priestern studirt werden muss. Von den drei heutigen südslav. Dialecten, dem bulgarischen, serbischen und windischen (welcher letztere sich noch jetzt in seiner eigenen Sprache den slovenischen nennt, wie die Kirchensprache, und zu dem, auf dieser Classifications-stufe als Einheiten die $1^1/_2$ Mill. Slaven in Inneroesterreich, Westungarn und Provincial - Croatien gehören), scheint, historisch und linguistisch die gerade Descendenz von jenem Dialecte des neunten Jahrh. dem windischen zu gebühren. Wir sagen *historisch*, denn Method war ein ganzes Menschenalter hindurch ihr Erzbischof; und *linguistisch*, weil dieser Dialect noch jetzt dem Kirchenslawischen näher ist, als jeder der beiden anderen. Zu umständlichen Beweisen ist hier der Ort nicht.... Doch, um wieder aufs Kirchenslavische zurückzukommen, so hatten die Einheimischen zwar nothdürftige, nach Art der byzantinisch - griechischen des Chrysoloras, Chöroboskos, Laskaris, mit tauber Terminologie überfüllte, aber an Sachen magere, und überdiess in der zu lehrenden Sprache selbst verfasste Grammatiken: von Zizania 1596, Smotriski 1619, eines ungenannten aus Kremenetz 1638, eine dto Moskau 1648 und 1721, Maximov's Auszug daraus 1723, die aus Smotriski und der Moskauer gemischte Rimniker von dem Karlov. Metrop. Nenadowitsch veranstaltete vom J. 1755, die von A. Mrasovitsch zum Theil in den österr. Normalschulen eingeführten teutschen Sprachlehre in der Methode nachgeahmte 1794 u. a. m. Der Russe Peter Winogradow gab 1811, unsers Wissens zuerst, das rümliche Beispiel einer nicht selbst altslavisch, sondern russisch vorgetragenen kirchenslav. Grammatik, die sich auch sonst von ihren Vorgängerinnen durch Selbstdenken auszeichnet, und daher auch von Russland aus, wo ein beneidenswerther Reichthum an uralten Codicibus bisher nur auf kritischen Gebrauch wartete, diesem Studium eine neue Epoche verspricht. —Aber dem Fremden, und selbst den nicht griech. Glagoliten und andern Slaven, war der Zutritt zu diesem heiligen Dialect bisher verschlossen. *Und doch sollte, wer die slav. Sprache im Ganzen und gründlich kennen will, von diesem, der Literatur nach, ältesten Dialecte anfangen.* Um wie viel erfreulicher muss uns daher die Erscheinung eines, für das ganze gelehrte Europa lateinisch geschriebenen, vollständigen

Lehrgebäudes der altslav. Kirchensprache aus der Feder des allgemein für den ersten Kenner des Slavischen anerkannten Abbé Dobrowskys sein...

Добровскому эта статья не понравилась. Онъ пишетъ: «Die Anzeige im Beobachter wollen manche nicht verstehen. Wozu soll erst eine Controverse vorausgehen? Ich vermied es absichtlich, mich näher über die Heimath zu erklären, weil ich es erst auseinandersetzen wollte in Cyrills Leben. Iudicia sunt libera» (463). На это отвѣтилъ Копитаръ «Iudicia sunt libera, auch ich bin der Ueberzeugung. Um aber den Cyrill, der aut Bulgaris aut nobis (Carniolanis) gehört, ohne Noth aufzugeben, bin ich nicht gleichgültig genug. Und selbst, wenn er den Bulgaren gehören sollte, so sind sie nun von seiner Sprache so weit, als die Römer von der Ciceros, und wir ihr auf jeden Fall die nächsten» (466). Добровскій уклонялся отъ дальнѣйшаго обсужденія: «Ueber Cyrill wollen wir jetzt nicht streiten, wenn ich gleich der црков, пост eine ganze Reihe anderer Worte entgegen stellen kann.» (472). Но Копитаръ не отставалъ. «Auf Ihre Widerlegung von cerky, post, pop, хрьстъ, хрьстить, als pannonische Germanismen bin ich begierig; doch müssen Sie mich nicht aus Uebermuth chicaniren» (473); и опять: «Si bulgaritatem Slavonismi non melioribus argumentis quam verbis biographi (житія Климента) sat ambiguis defenderitis, vix vincetis» (477); или «Den biographus Bulgarus habe ich abermal gelesen. Non me terret, da er tempora non distinguit (Gorasdas, ein Pannonier, sein Hauptjünger und bestimmter Nachfolger, kommt unter seinen bulgarischen Schülern vor, beide Brüder machen dem Papst gleich von der Bulgarei aus ihre Aufwartung); σϑλοβῆνοι εἴτουν βούλγαροι ist ihm alles eins, als einem Byzantier oder auch einem Achridaner, etc. etc. Eher könnten Formen wie ношт gegen die krainische nozh entscheiden, wenn nicht oltar, krst pop, post, cerky gegen die Bulgaren zeugten» (478); или «Ponamus Te Bulgaris adserere et adseruisse Cyrilli dialectum: quid proderit, cum nunc sine dubio infinito intervallo longius ab illa distet, quam soror illius in Karantanis?... Dico ergo coeptam esse a Methodio literaturam in Slavis, qui iam habebant Christianismum a Germanis, ergo in Karantanis, sed continuatam post 24 annos per tria-quattuor saecula in Bulgaris, Serbis, Russis. Illinc explices krst, crky, post, pop etc., hinc bulgarismos Methodii» (483—4). Я привелъ эти выписки, чтобы показать, какъ серьезно Копитаръ занимался своей теоріею, которую потомъ противники его, совсѣмъ несправедливо, выводили изъ какихъ-то тайныхъ замысловъ политико-религіозныхъ!

41) Cyrill und Method der Slawen Apostel. Ein historisch-kritischer Versuch von Joseph Dobrowsky, Mitglied der k. boehm. Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1823, 8⁰. 133. Mährische Legende von Cyrill und Method. Nach Handschriften herausgegeben, mit andern Legenden verglichen und erläutert, von Joseph Dobrowsky, der Philosophie Doctor, mehrerer gelehrten Gesellschaften Mitglied. Prag, 1826, 8⁰. 124.

42) Копитаръ былъ опять разочарованъ тѣмъ, что не нашелъ въ «Кириллѣ и Меѳодіи» опроверженія или по крайней мѣрѣ возраженія противъ своихъ доводовъ: «Wenn Sie mir die Verachtung russ. Ringe vorhalten, so dürfte ich Ihnen dafür beinah zuviel Rücksicht für diese Frösche bemängeln, z. B. ein Kal(ajdovič), der das altslaw. fürs mährische hält, verdient von einem Dobr. gar keine Antwort. Eher hätte der eine des Meisters würdige Wiederlegung verdient (oder Beifall), der Beweise für ihre Pannonietät und Karantanität vorgebracht, die Sie selbst mit der Annahme царь = ц'сарь vermehren; wenn ц'сарь alt sein soll, so ist es nur karantanisch, ausser Sie lassen dem Kal(ajdovič) sein mährisch gelten... Sollte ich Ihren Cyrill anzeigen, so würde ich Sie stringiren wegen serbisch-bulgarisch-macedonisch, was in so weit gut, als es nicht mährisch

ist, aber übrigens schlechter, als Ihr älteres serbisch. Wer wird Ulfilas Sprache z. B. englisch-fränkisch-mösisch nennen!». (502—508).

43) Ср. переписку А. Х. Востокова стр. 128, 134, 137—8, 142, 155, 163, 170, 172, 176, 177—8, 181—2, 187, 190, 192, 202—3, 211, 216—7, 234—5, 238—9.

44) Востоковъ отвѣчалъ на запросъ Калайдовича (Переп. А. Х. Востокова стр. 43), что онъ «не взялся бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія . . . Другое дѣло перевести грамматику сію на русскій языкъ съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славенскую грамматику, въ которой конечно не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго» 48; ср. тамъ же 187, 271, 277—278, 300, 302, 305, 310—11, 316.

45) Въ рецензіи, напечатанной въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, XVII B. стр. 101 «Indem wir hiemit diese kaum noch erwartete Morgenröthe echter altslawischer Philologie am östlichen Himmel des Slawenlandes aus der Diöcese Methods mit freudigem Enthusiasmus begrüssen . . .»

46) Письма Добровскаго и Копитара стр. 466—7.

47) Ср. отзывы Добровскаго о Востоковѣ въ изслѣдованіи о Кириллѣ и Меѳодіи (по русскому переводу) стр. 40, въ письмахъ Добровскаго и Копитара стр. 581.

48) Ср. переписку А. Х. Востокова стр. 100—1.

49) Востоковъ склонялся въ сторону болгарскаго происхожденія церковно-славянскаго языка, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его, написанныхъ къ Добровскому въ 1824 году: «Остается заключить, что носовые звуки ѫ, ѧ, принадлежали языку тѣхъ словянъ, для которыхъ изобрѣтена азбука и переложены церковныя книги. Сіи словяне были конечно болгаре, въ языкѣ коихъ сохранились и до днесь многіе слѣды ринезма, какъ замѣтилъ и г. Копитаръ въ своей рецензіи . . . Ежели паннонскіе словяне, Карантане или Хорѫтане, имѣли въ этомъ сходное съ болгарами произношеніе: то тѣмъ легче было Константину и Меѳодію для обоихъ сихъ словянскихъ племенъ составить одну азбуку». Переп. А. Х. Востокова 106—7. Впрочемъ Востоковъ охотно допускалъ и вліяніе «западнословенское» въ такихъ памятникахъ, какъ супрасльскій сборникъ (см. Филол. наблюд. 162. 166) — вотъ почему Копитаръ полагалъ, что имѣетъ право до извѣстной степени причислять его къ своимъ (Hesych. Glossogr. 49).

50) Съ какимъ презрѣніемъ Копитаръ смотрѣлъ на теорію Калайдовича о моравскомъ происхожденіи церковно-славянскаго языка, видно изъ его словъ приведенныхъ въ примѣч. 42. Добровскій въ «Mährische Legende» отвергалъ эту теорію потому, что онъ ясно видѣлъ принадлежность церковно-славянскаго языка къ разряду А, по его классификаціи славянскихъ нарѣчій, между тѣмъ какъ древне-моравскій языкъ, судя по звуковымъ особенностямъ нынѣшняго моравско-словацкаго нарѣчія, принадлежалъ къ разряду В. Но Калайдовичъ, не замѣтивъ трудностей филологическихъ, былъ правъ какъ историкъ, вѣрно толкующій содержаніе источниковъ. Если Кириллъ и Меѳодій не принесли славянскаго богослуженія съ собою съ юга, то естественно было историку, опирающемуся на свидѣтельства, утверждать, что оно сложилось въ предѣлахъ Моравіи. Паннонизмъ Копитара въ томъ-то и былъ не правъ, что исключалъ Моравію (ср. замѣчанія Блумбергера, не безъ участія Копитара появившіяся въ свѣтъ уже въ 1824 г., они напечатаны въ русскомъ переводѣ «Кирилла и Меѳодія» на стр. 129 — 143, и самого Копитара отрицательный

отзывъ въ Hesychii glossographi discipulus, стр. 54). Миклошичъ не могъ не замѣтить этого противорѣчія между теоріею филологическою и данными историческими, поэтому онъ расширилъ смыслъ паннонизма слѣдующими словами: «Wenn ich den Ausdruck pannonisch gebrauche, so muss ich bemerken, dass ich anerkenne, dass der Ausdruck, um der Sache vollkommen zu entsprechen, auch Mähren in sich begreifen sollte. Ich bin nämlich jetzt der Ansicht, dass der slovenische Volkstamm nicht nur auf dem rechten, sondern auch auf dem linken Ufer der Donau wohnte, freilich ohne über den Umfang seiner Wohnsitze im Norden der Donau auch nur eine Vermutung aussprechen zu können». Altsloven. Formenlehre in Paradignen, pag. III.

51) Въ рецензіи на «Іоанна Ексарха», напечатанной въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur 1824, т. XXXII, 65—77; ср. также примѣчанія, сообщенныя Калайдовичу черезъ Кеппена въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1862, кн. 2, стр. 78—128.

52) Письма Добровскаго и Копитара, 394—395.

53) Взгляды Добровскаго относительно глаголицы не измѣнились до самаго конца его жизни. Хотя онъ зналъ напр. о существованіи ватиканскаго (глаголическаго) евангелія не только по указаніямъ Ассемана, но и по рукописнымъ отмѣткамъ Карамана, который опредѣлялъ время памятника до 1080 года, но—предразсудки удѣлъ не только обыкновенныхъ смертныхъ, а и первоклассныхъ ученыхъ. Добровскій авторитетомъ своимъ просто рѣшилъ: assentiri non possum! Мы бы удивлялись этому, если бы не знали, что и доводы Востокова о носовомъ значеніи гласныхъ ж ѧ—не тронули его!

54) Переписка А. Х. Востокова. Письмо Копитара на стр. 283—284, отвѣтъ 284—288; новыя письма Копитара по тому же поводу 288—291, 293—4. Востоковъ писалъ въ интересѣ Копитара также Бобровскому, стр. 291—2, 295—6 и получилъ отвѣтъ 256.

55) Когда Glagolita clozianus еще не былъ пущенъ въ свѣтъ, Шафарикъ писалъ Востокову: «Seine Hypothesen, dass das glagolitische Alphabet älter oder so alt als das cyrillische sei, und dass Method erst nach dem Tode Cyrills mit Hülfe von lateinischen Mönchen in Karantanien das cyrillische Alphabet zusammengestoppelt und die liturg. Bücher in karantanischer Mundart übersetzt habe, werde ich nie beipflichten, so lange ich gesunden Menschenverstand habe und was Geschichte sei verstehe». Только несочувствіе Копитару, вызванное разногласіемъ по отношенію къ древне-чешскимъ памятникамъ, могло побудить Шафарика къ этому неблагопріятному отзыву. Копитаръ вовсе и не говорилъ того, въ чемъ его здѣсь обвинялъ Шафарикъ. Онъ спрашивалъ только предположительно: А что, если бы сказать, что глаголическій алфавитъ былъ изобрѣтенъ уже до Кирилла, но не былъ еще въ церковномъ употребленіи, потому что македонскіе славяне, смѣшанные съ греками и римлянами, еще совершали богослуженіе не на своемъ, а на языкѣ этихъ старожиловъ, который и они понимали, когда же Кириллъ и Меѳодій ввели народное богослуженіе у славянъ паннонскихъ, то они прибѣгли къ письму греческому, имъ какъ грекамъ болѣе удобному, заимствовавъ изъ старой глаголицы только нѣсколько знаковъ? или что, если бы сказать, что самъ Меѳодій впослѣдствіи, въ избѣжаніе ненависти противъ греко-кирилловскаго письма между латинами, составилъ глаголическое письмо? Какъ бы то ни было, мы (Копитаръ) надѣемся, что намъ удалось доказать, что глаголическій алфавитъ, если не древнѣе, такъ по крайней мѣрѣ современенъ съ кирилловскимъ и что когда-то этотъ алфавитъ былъ въ задунайскихъ краяхъ въ употребленіи у славянъ обоихъ вѣроисповѣданій и что онъ только съ конца XIII вѣка сдѣлался какъ будто бы ис-

ключительною собственностью глаголитовъ римскаго обряда» (Glag. Cloz. X—XI).—Объ этомъ великолѣпномъ изданіи недруги Копитара пустили нелѣпую молву, что оно было затѣяно съ непохвальною политико-религіозною тенденціею, ср. біографію Копитара въ словарѣ Вурцбаха (XII. 442). Никто не оправдалъ Копитара лучше, какъ самъ Шафарикъ въ своемъ послѣднемъ словѣ по этому вопросу «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus» (1858). Но это послѣдовало за долго послѣ смерти Копитара. При жизни же его вражда противниковъ задала ему много горя и вызвала съ его стороны тоже много слишкомъ рѣзкихъ отзывовъ. Въ доказательство укажемъ на его выходки противъ Шафарика въ книжкѣ Hesychii glossographi discipulus, за которыя тотъ жаловался Погодину (Письма къ М. П. Погодину, вып. II. 266) и на письмо Копитара къ Востокову, въ которомъ опять Копитаръ съ своей стороны жаловался Востокову на Шафарика (Переп. А. Х. Востокова 348—349). Ср. еще отзывы Шафарика о Копитарѣ въ письмахъ къ Погодину 231. 269, и даже Ганки къ Востокову 372!

56) Письма къ М. П. Погодину, вып. II, стр. 401: «Wir müssen die Frage über den Ursprung unserer Alphabete einer neuen Prüfung unterwerfen, was freilich mit aller Vorsicht und Kritik geschehen soll; festina lente». Ib. 403 «Meine glagolit. Fragmente beschäftigen mich sehr. Nulla dies sine linea. Wir müssen einmal der Sache tiefer auf den Grund schauen. Es muss Licht werden». Такъ осторожно приготовлялъ Шафарикъ своего друга Погодина къ новымъ выводамъ, высказаннымъ два года потомъ во всеуслышаніе!

57) Переписка А. Х. Востокова, стр. 331 (письмо 2 апр. 1837 г.).

58) Переписка А. Х. Востокова, 308, 315, 316—7, 320, 325, 327, 330—1, 332—3. Письма къ М. П. Погодину, вып. II, 191, 208, 318.

59) См. прим. 43, и въ той же перепискѣ А. Х. Востокова письмо графа Румянцова министру народнаго просвѣщенія, стр. 231.

60) Она перепечатана въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, изданномъ М. Погодинымъ (М. 1865), на стр. 5—42. Бодянскій вѣрно назвалъ эту статью возобновленіемъ въ памяти нашей памятника, забытаго было небрежнымъ потомствомъ.

61) Ср. Письма къ М. Погодину, вып. II, стр. 210 и переписку А. Х. Востокова, стр. 354.

62) Письма къ Погодину 321, 322, 337.

63) Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, sebral a vydal Pavel Josef Šafařík (Изборъ югославянскыхъ достопамятностіи). V Praze 1851. Подъ отдѣльными заглавіями на первомъ мѣстѣ этого сборника стоятъ: Život sv. Konstantina řečeného Cyrilla. Z rukopisu XV století vydal P. J. Šafařík. V Praze 1851 IV 32; Život Sv. Methoda. Z rukopisu XVI století vydal P. J. Šafařík. V Praze 1851. IV 10. Цѣлый сборникъ вышелъ вторымъ изданіемъ въ Прагѣ въ 1873 г. съ очень незначительными измѣненіями. Отзывъ И. И. Срезневскаго о первомъ изданіи въ Извѣстіяхъ I. 293—299. Странно, что самъ И. И. Срезневскій здѣсь повторилъ только слова, приведенныя уже въ предисловіи Шафарика, по которымъ у него самого будто бы находился отрывокъ «стараго пергаменнаго списка» житія Константина, случайно имъ найденный въ Венгріи — никогда же онъ не напечаталъ этого отрывка! Не уже ли это такъ?

64) Письма къ М. П. Погодину, вып. II, стр. 350.

65) Статья Горскаго переведена на чешскій языкъ Ганкою въ Časopisě českého Museum 1846, стр. 5—33, подъ заглавіемъ: «O sv. Kyrille i Methodiu. Z

Moskvitanina na rok 1843 № 6, стр. 405 wytaženo i přeloženo od Wáclawa Hanky». По этому переводу сдѣлано Ваттенбахомъ извлеченіе въ «Nachschrift» (стр. 33—38), помѣщенномъ въ его «Beitraege zur Geschichte der christlichen Kirche in Maehren und Boehmen, von Wilhelm Wattenbach.» Wien 1849. 8⁰ VIII. 54. Изслѣдованіе Э. Дюммлера появилось въ 1854 году въ Archiv für Kunde oesterreichischer Geschichtsquellen Band XIII, подъ заглавіемъ «Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Von Ernst Dümmler». Дюммлеръ пользовался латинскимъ переводомъ житія Меѳодія, сдѣланнымъ для него и Бюдингера профессоромъ Миклошичемъ въ Вѣнѣ. Объ этихъ двухъ изданіяхъ, а также о трудахъ Бодянскаго и Гинцеля (смотри ниже примѣч. 75. 110) написана (въ 1858 году) въ видѣ критическаго разбора статья А. Е. Викторова «Кириллъ и Меѳодій, новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ», въ Кирилло-Меѳод. сборникѣ на стр. 343—440. Статья очень наглядно объясняетъ ходъ изслѣдованій по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи, въ этомъ отношеніи она пособіе превосходное, но полемика противъ Дюммлера автору не удалась, вообще критическая часть статьи неважна. Житіе Константина критически разобрано Дюммлеромъ въ введеніи къ славянскому тексту съ латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ проф. Миклошичемъ, въ изданіи «Die Legende vom heiligen Cyrillus, von Ernst Dümmler und Franz Miklosich», Wien 1870. 4⁰ 48 (отд. оттискъ изъ XIX тома Denkschriften der philosophisch-historisch. Classe der kaiserl. Akademie der Wissenschaften). Наконецъ сочиненіе А. Воронова издано въ 1877 году въ Кіевѣ подъ заглавіемъ «Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. А. Воронова. Кіевъ 1877, 8⁰ 331, XXII». Мой вполнѣ сочувственный отзывъ объ этомъ великолѣпномъ трудѣ, съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, см. въ Archiv für slav. Philologie IV. 74—128.

66) Rozkvět slovanské literatury v Bulharsku. Напечатано въ Časopisě č. mus. 1848 I. 1 — 32 и въ III томѣ собранныхъ сочиненій, т. е. въ «Rozpravy z oboru věd slovanských» v Praze 1865, 163 — 191. Въ русскомъ переводѣ О. М. Бодянскаго въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ. 1847, № 7, 1—20. Существуетъ и сербскій переводъ, сдѣланный племянникомъ автора, др. Я. Шафарикомъ, въ II кн. Гласника, въ Бѣлградѣ 1849.

67) Часть этого труда, относящаяся къ эпохѣ принятія христіанства, переведена на русскій языкъ подъ заглавіемъ «Исторія первобытной христіанской церкви у славянъ. Изъ книги Мацеёвскаго... перевелъ Орестъ Евецкій». Варшава 1840, 8⁰ 337. Существуетъ также французскій переводъ той же части этого сочиненія. Стоитъ замѣтить, что М. пользовался уже какъ источникомъ «паннонскимъ» житіемъ Константина по львовскому списку, отмѣченному въ изданіи Миклошича подъ № 5. Со взглядами Мацеёвскаго, говоря вообще, соглашались Бѣлёвскій, Бартошевичъ и др., отрицалъ же славянскую литургію для Кракова А. Малецкій въ статьѣ «Kościelne stosunki w pierwotnej Polsce», напечатанной въ журналѣ Przewodnik naukowy за 1875 г.

68) Ср. записку И. И. Срезневскаго «На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи» СПб. 1878, какъ приложеніе № 6 въ Сборникѣ русск. отдѣл., томъ XVIII. Шафарикъ интересовался этимъ вопросомъ. Еще въ 1836 году онъ писалъ Погодину (стр. 185): «Der edle Entschluss des Grafen von Stroganow Herrn Bodjanskij in die südwestl. Slawenländer reisen und so auf Reisen für die slaw. Katheder sich ausbilden zu lassen, soll ja nicht unausgeführt bleiben. Dies ist der einzige Weg, der zum Ziele führt. Schon längst hatte man zu diesem Mittel greifen sollen. Vielleicht werden dann bald Petersburg, Kyjew und Charkow dem Beispiele Moskaus folgen». И опять, лѣтъ черезъ шесть, онъ писалъ (въ концѣ 1842 г.) ему же: «Die Augen der Welt sind auf diese Lehrkanzeln gerichtet und es ist recht, dass

die bei der Gründung und Aussaat thätig und behülflich waren, sich auch der Früchte freuen. Aber—non fit hoc verbis, Marce» (Письма къ М. М. Погодину 319). Въ то время (въ 1840—41 году) рѣчь шла уже о учрежденіи славянскихъ каѳедръ въ Пруссіи и о приглашеніи Шафарика въ Берлинъ (ср. тамъ же 277—286, 287—8, 291, 294, 295, 303, 304, 309). О парижской каѳедрѣ, которая была поручена Мицкіевичу, онъ отзывался такъ: «Sie wissen, dass die slawische Katheder in Paris dem Dichter Mickiewicz zugefallen ist. Möchte hiebei nur das Politische nicht störend auf das rein Literarische und Wissenschaftliche einwirken!» (277). Въ Австріи начался поворотъ къ лучшему только съ 1848 года, см. объ этомъ отзывъ Шафарика въ письмахъ къ Погодину 357, 359, 372, 397. П. Кеппенъ въ неизданной еще перепискѣ съ чешскими учеными, Шафарикомъ и Ганкою, сообщалъ уже въ началѣ 1830 года Ганкѣ о намѣреніи русскаго правительства открыть каѳедру славянскихъ нарѣчій сначала въ С.-Петербургскомъ, а потомъ въ другихъ университетахъ. Тогда имѣлось въ виду ту или другую изъ этихъ каѳедръ поручить кому либо изъ нихъ. Нѣсколько раньше этого времени переговоры шли съ упомянутыми чешскими учеными о поступленіи ихъ въ Россійскую академію, ср. объ этомъ статью М. Сухомлинова въ сборникѣ «Братская помочь» (Спб. 1876), на стр. 309—318: «О сношеніяхъ В. В. Ганки съ Россійскою Академіею и о вызовѣ его въ Россію»; его же въ «Исторіи Россійской Академіи» вып. VII (въ XXXVII-мъ томѣ «Сборника»), стр. 229 и слѣд.

69) В. И. Григоровичъ съ самаго начала отличался самостоятельностью взглядовъ, которая дѣлаетъ ему честь. Еще до поѣздки въ Турцію онъ издалъ «Опытъ изложенія литературы словенъ» Казань 1843, ч. I. 8°. 110, гдѣ высказалъ на стр. 52 слѣдующее для своего времени очень разумное сужденіе: «Сомнѣнія Добровскаго въ древности глаголицы оказываются несправедливыми; но не рѣшено, которая изъ двухъ азбукъ древнѣе». Черезъ чуръ рѣшительно однакожъ онъ отвергалъ участіе Кирилла въ переводѣ св. писанія, говоря такъ: «Переводъ священнаго писанія совершенъ былъ Меѳодіемъ, уроженцемъ солунскимъ, призваннымъ князьями Коцеломъ и Ростиславомъ и пребывавшимъ у словенъ, имъ подвластныхъ, 22 года» стр. 52 — 53. Все что далѣе говорится о распространеніи церковно-славянскаго языка, сказано вѣрно: видно, онъ изучалъ внимательно не только Добровскаго и Шафарика, но и Копитара. Идеальное поклоненіе памяти слов. первоучителей, побудившее его предпринять путешествіе въ Турцію, краснорѣчиво высказалось въ статьѣ, напечатанной въ Ж. М. Н. Пр. 1847, ч. 53, отд. II. 1—28, подъ заглавіемъ: «Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ европейской Турціи». Здѣсь помимо любопытныхъ разсказовъ о общемъ пренебреженіи къ памяти слав. апостоловъ въ тѣхъ странахъ, впервые напечатана найденная имъ краткая легенда о Климентѣ. Ср. отзывъ Шафарика въ письмѣ къ Погодину (341).—«Очеркъ ученаго путешествія по европейской Турціи» вышелъ въ 1848 году, въ III книжкѣ «Ученыхъ Записокъ, издаваемыхъ Импер. Казанскимъ университетомъ» 8°, 214 (новое изданіе въ Москвѣ въ 1877 году). Одно это описаніе путешествія можетъ увѣковѣчить въ слав. наукѣ имя Григоровича.

70) Напечатано въ книжкѣ, озаглавленной «Статьи касающіяся древняго славянскаго языка». Казань 1852, 8°, на стр. 20. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: «Рѣчь о значеніи церковно-славянскаго языка» (1—25), «О трудахъ касающихся древняго славянскаго языка до М. Смотрицкаго» (26—52), «Предварительныя свѣдѣнія касающіяся литературы церковно-славянской» (53—70), «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы» (71—94) и «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей» (95—108). Всѣ эти статьи

проникнуты искреннею преданностью автора церковно-слав. языку, онѣ обнаруживаютъ основательныя филологическія познанія въ данномъ предметѣ.

71) Уже въ 1848 году Григоровичъ напечаталъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ отчетъ о своихъ чтеніяхъ по вопросу о Кириллѣ и Меѳодіи, гдѣ онъ высказывалъ мнѣніе, что «русское» письмо, найденное будто-бы Константиномъ философомъ въ Херсонѣ — могла быть глаголица (см. отзывъ объ этомъ мнѣніи въ статьѣ И. И. Срезневскаго, напечат. въ Ж. М. Н. Пр. 1848, ч. 59, отд. II, 62—66). И въ «Статьяхъ» (въ 1852 году) Григоровичъ соглашался насчетъ глаголицы съ Копитаромъ противъ Добровскаго, Прейса и Срезневскаго (стр. 58—9), прибавляя удачно новыя соображенія къ тѣмъ, которыя были выставлены еще Копитаромъ (стр. 61—66). Онъ и здѣсь полагалъ, что изъ извѣстнаго мѣста въ житіи Константина о «евангеліи и псалтыри *русскими* (роушкыми) письмены» писанныхъ, найденныхъ будто-бы Константиномъ въ Херсонѣ, можно выводить письмо глаголическое (ibid. 69 — 70). Эта мысль повторена имъ же потомъ еще въ «Замѣткахъ о Солунѣ и Корсунѣ» (Одесса 1872), передающихъ скорѣе личныя впечатлѣнія, чѣмъ научные доводы. Это мнѣніе высказалъ еще недавно проф. А. А. Кочубинскій (Истор. Вѣстникъ 1885, мартъ, стр. 614 въ примѣчаніи). Наконецъ, въ торжественный день 6 апрѣля нынѣшняго года напечатано въ газетѣ «Новости» анонимнымъ знатокомъ этого вопроса то же самое соображеніе, отчасти съ полемикою противъ меня, какъ будто-бы я проглядѣлъ то мѣсто. Нѣтъ, я помню его отлично, но я уже давно высказалъ свое мнѣніе о немъ (Archiv für slav. Philologie I. 143—4, IV. 314). Если бы это извѣстіе легенды можно было принять за историческій фактъ, то во всякомъ случаѣ было бы разумнѣе предположить, что Константинъ видѣлъ въ Херсонѣ — кириллицу; но я прошу не забывать, что легенда не говоритъ только о письмѣ, а также о языкѣ «русскомъ», о евангеліи и псалтыри на этомъ языкѣ. Кто же повѣритъ, что въ IX вѣкѣ у «русскихъ» славянъ былъ уже свой «русскій» переводъ евангелія, различный отъ позднѣйшаго, церковнаго, словѣнскаго? Еслибъ онъ былъ, не ужели онъ могъ въ теченіе одного столѣтія пропасть безслѣдно?

72) Письма къ М. П. Погодину, вып. I. 24—25.

73) Бодянскій перевелъ слѣдующія статьи Шафарика: «О Сварогѣ, богѣ языческихъ славянъ» (Чтенія М. Общ. Ист. Древн. 1846, I смѣсь 30—34), «О древне-славянскихъ, именно кирилловскихъ типографіяхъ въ южнослав. земляхъ» (Чт. М. О. И. Др. 1846, III иностр. мат. 17—27), «Объ имени и положеніи города Винеты» (Чт. О. И. Др. 1846—7 кн. VII, иностр. мат. 1—20), «Разцвѣтъ славянской письменности въ Булгаріи» (тамъ же 1847 — 8, кн. VII, 37 — 59). Этихъ статей переводъ принадлежитъ О. М. Бодянскому, но и другія статьи Шафарика появились въ русскомъ переводѣ, онѣ перечислены А. Н. Поповымъ въ его изданіи «Писемъ къ М. П. Погодину», стр. 142. — «Славянское Народоописаніе» вышло въ Москвѣ въ 1843 году, а «Славянскія Древности» въ Москвѣ въ 1848 году, въ двухъ томахъ.

74) Изъ писемъ къ М. П. Погодину видно, что Шафарикъ не одобрялъ всѣхъ пріемовъ научной дѣятельности этого молодого слависта. Вотъ одно замѣчательное мѣсто (изъ письма 15 дек. 1842 г.): «Freund Bodjanskij schrieb mir einen langen Brief über die Anfänge seines Lehrcurses, den Fortgang der Literatur etc., was mich sehr freute. Nur schien mir, dass seine Phantasie mitunter etwas erhitzt war, was ich seiner Jugend zuschreibe. Er spricht da von Dingen, wie z. B. Slaventhum, einer Bibliothek der boehmischen властенцы, die ich nicht kenne und nicht kennen mag. Sie wissen, dass ich ein schlichter, trockener Grammatiker, Antiquar und Philolog bin und sonst von nichts weiss und

nichts wissen will. Ich nehme ihm zwar einige derartige Extravaganzen und modische Schwärmereien und Phantasien nicht übel, weil ich sie seiner Jugend zu Gute halte, allein andere die seine Briefe lesen, können sie missverstehen und missdeuten. Wenn ich näher zu ihm und vertrauter mit ihm wäre, so würde ich ihm auf gut serbisch sagen: да нелудује» (318); ср. также стр. 364.

75) Сочиненіе «О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Москва 1855. 8°. 381. CXV» вызвало очень незначительную критику И. И. Срезневскаго въ 25-омъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, изъ которой, несмотря на умѣніе рецензента тонкими оборотами загладить и малѣйшую непріятность, все-таки проглядываетъ немалое разочарованіе (стр. 65 — 69). Такъ смотрѣли на это сочиненіе и другіе. А. Викторовъ въ статьѣ «Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ» (напечатанной во II и III т. «Лѣтописей русской литературы» Н. Тихонравова) сказалъ было, что Бодянскій опровергъ Григоровича относительно глаголицы (т. II. отд. I. стр. 77), но М. Погодинъ возражалъ противъ этого словами: «Напрасно говорилъ г. Викторовъ, что г. Бодянскій опровергнулъ его въ своей книгѣ: опроверженія никакого тамъ нѣтъ». (Кир.-Меѳ. сборникъ 124). Шафарикъ получилъ книгу въ томъ же году (Письма къ Погодину, стр. 395), но дальше въ перепискѣ о ней и рѣчи нѣтъ—доказательство, что неутомимый изслѣдователь этого предмета не удовлетворялся выводами Бодянскаго. Напротивъ — эпоху по этому вопросу сдѣлало послѣднее слово Шафарика: «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus» (въ русскомъ переводѣ: О происхожденіи и родинѣ глаголитизма, перев. съ нѣм. А. Шемякинъ. Москва. 1861, въ Чтеніяхъ О. И. Др. 1860, кн. IV; существуетъ также болгарскій переводъ въ «Български книжици» за 1858 годъ, кн. 16 и слѣд.), на которое, странное дѣло, не послѣдовало отвѣта изъ Россіи со стороны занимавшагося въ то время спеціально этимъ предметомъ И. И. Срезневскаго, только А. Викторовъ подвергъ его подробному разбору въ выше упомянутой статьѣ, но и она осталась недоконченною. Несмотря на благопріятное впечатлѣніе, которое и теперь еще производитъ спокойный и серьезный тонъ разбора Викторова, попытку его нельзя назвать удовлетворительною уже по тому, что онъ не выбралъ для возраженія подходящій родъ доказательствъ. Шафарику можно было нанести ударъ развѣ только критико-филологическими и палеографическими доводами, а ихъ-то у Викторова не было въ запасѣ. Какое сильное впечатлѣніе произвело послѣднее изслѣдованіе Шафарика на его стариннаго друга Бодянскаго, объ этомъ можно судить по словамъ послѣдняго, напечатаннымъ въ разборѣ сочиненія П. Лавровскаго, въ Седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1864. стр. 72—91.

Въ смыслѣ Шафарика изложенъ этотъ вопросъ Миклошичемъ въ статьѣ «Glagolitisch», напечатанной въ энциклопедіи Эршъ-Груберовой 1859 (4° 403—422) и Рачкимъ въ отдѣльномъ сочиненіи: «Pismo slovjensko. Napisà Dr. Franjo Rački. U Zagrebu 1861, 8°. 144.» Самая замѣчательная, въ настоящемъ смыслѣ палеографическая оцѣнка обоихъ славянскихъ письменъ, сдѣлана недавно проф. Гейтлеромъ въ его важномъ изслѣдованіи «Die albanesischen und slavischen Schriften von Dr. Leopold Geitler. Wien 1883 fol. X. 138.» Подробный разборъ и, надѣюсь, въ многихъ пунктахъ опроверженіе этого труда представлено мною въ четвертой изъ изданныхъ мною «Критико-палеографическихъ статей» (СПб. 1884, 8° 191), на стр. 103—191.

76) Способомъ изданія древнихъ текстовъ, принятымъ у Бодянскаго, не былъ доволенъ его другъ и учитель Шафарикъ, какъ видно изъ письма къ Погодину на стр. 350.

77) «Житіе Константина Философа» напечатано въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древ. 1863 кн. II (№ 1—7, стр. 1—224), 1864 кн. II (№ 8—12, стр. 225—398) и 1873 кн. I (№ 13—16, стр. 399—534). «Житіе Меѳодія» въ Чтеніяхъ 1865 кн. I (№ 1—8 стр. 1—98). «Слово похвально на память святыма и преславныма учителема» въ Чтеніяхъ 1865 кн. II (№ 1—6, стр. 1—64), 1866 кн. II (№ 7—15, стр. 65 - 152).

78) О Петрѣ Ивановичѣ Прейсѣ ср. упомянутую въ прим. 68-мъ записку И. И. Срезневскаго. Проницательный умъ Шафарика быстро оцѣнилъ рѣдкія способности молодого слависта, онъ писалъ къ Погодину въ 1840 году: «In ihm ist euch, unbemerkt und unbewusst von der Welt, ein zweiter Wostokow erwachsen!» (стр. 276). Жаль, что не оправдались надежды Шафарика насчетъ его здоровья (321). Для молодого ученаго, только что начавшаго заниматься слав. филологіею, очень замѣчательны отчеты П. Прейса въ министерство народн. просвѣщенія. Въ донесеніи напр. изъ Загреба, напечатанномъ въ Журналѣ М. Н. Пр. 1842, ч. 33, отд. IV, стр. 43—61, (а ему предшествовало уже нѣсколько отчетовъ) пріятно поражаетъ филологическая точность; онъ распространяется здѣсь о судьбахъ церковно-слав. языка по памятникамъ, принадлежащимъ различнымъ странамъ и различнымъ временамъ, съ изумительною ясностью и отчетливостью. Виденъ—талантъ критическій. Прейсъ путешествовалъ какъ ученый филологъ, не какъ простой любитель славянъ. Въ 1843 году Прейсъ высказалъ свое мнѣніе о глаголицѣ, въ Ж. М. Н. Пр. ч. 37 отд. II, стр. 184 — 238; зная нѣсколько лучше судьбу хорватской глаголицы, онъ былъ введенъ въ заблужденіе, какъ будто-бы она родилась въ предѣлахъ сѣверно-далматинскихъ хорватовъ.

79) См. Отчетъ о дѣятельности второго отдѣленія за 1880 годъ, гдѣ помѣщена біографія покойнаго академика и полный библіографическій перечень его трудовъ—то и другое составлено А. Ѳ. Бычковымъ.

80) Срезневскій коснулся жизни Кирилла и Меѳодія въ разборѣ рукописнаго сочиненія г. Голубинскаго въ «Двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова» (СПб. 1870) стр. 227—233, но разборъ написанъ такъ, что онъ не даетъ никакой возможности вникнуть въ тогдашніе взгляды Срезневскаго. Мы видимъ только, что онъ не былъ согласенъ съ Голубинскимъ въ строгой, отрицательной оцѣнкѣ житія Климента, и какъ будто-бы не раздѣлялъ общихъ взглядовъ относительно значенія «паннонскихъ» легендъ. Въ послѣднія десятилѣтія онъ видно избѣгалъ всѣ эти вопросы, но въ молодости онъ написалъ двѣ статьи, относящіяся сюда: «Древнія письмена славянскія» въ Ж. М. Н. Пр. 1849, ч. 59, отд. II, стр. 18—66, гдѣ подробно разбирается свидѣтельство черноризца Храбра, вѣрится въ русскій переводъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ въ IX вѣкѣ (!) и отвергается догадка Григоровича о глаголицѣ. Вторая статья «О глаголитской письменности» напечатана въ 1852 году въ I томѣ Извѣстій, стр. 353—367, она переведена на хорватскій языкъ Иваномъ Мажураничемъ въ повременномъ изданіи «Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, Knjiga IV, U Zagrebu 1857» стр. 111—125. Въ Извѣстіяхъ рядомъ помѣщена также статья Шафарика въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ м. б. самимъ Срезневскимъ: «Взглядъ на древность глагольской письменности» 367—389. Ср. также замѣтки Срезневскаго о новомъ трудѣ Шафарика, изданномъ въ 1852 году: «Новое мнѣніе П. Шафарика о письменности глагольской» Извѣст. II. 299—305.

81) Это изданные въ III томѣ Сборника «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма» СПб. 1868. 8⁰ 192. 416. 24. Много дополненій къ этому сбор-

нику содержатъ «Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ», продолжавшіяся въ различныхъ томахъ Записокъ и Сборника. Еще обращаютъ на себя вниманіе «Древніе глаголическіе памятники. Трудъ И. И. Срезневскаго». СПб. 1866, 8⁰ VIII. 298.

82) «Саввина книга» — кирил. текстъ евангельскихъ чтеній на подобіе Остромирова евангелія; онъ изданъ въ вышеупомянутомъ (прим. 81) сборникѣ, стр. 1—154, съ поправками опечатокъ въ моемъ журналѣ Archiv f. sl. Phil. V. 580—612.

«Зографское евангеліе» — глаголическое четвероевангеліе, издано мною въ Берлинѣ: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus ed. V. Jagić. Berolini 1879, 4⁰. XLV, 174.

«Маріинское евангеліе» — глаголическое четвероевангеліе, издано мною въ С.-Петербургѣ: Маріинское Четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича, 1883. 4⁰, XX, 607.

«Ватиканское евангеліе»—глаголическій текстъ евангельскихъ чтеній на подобіе Остромирова евангелія, изданъ два раза: первое изданіе глаголическимъ шрифтомъ приготовлено др. Рачкимъ: Assemanov ili vatikanski Evangelistar. Iznesè ga na svjetlo Dr. Franjo Rački. U Zagrebu 1865. 8⁰. CXIX, (тутъ мой грамматико-критическій разборъ памятника, на стр. XII — XCIX) и 216; второе изданіе латинскими буквами приготовлено др. Черничемъ: Assemanovo izborno evangjelje. Na světlo dao dr. Ivan Črnčić. V Rimu 1878, 8°. LXXVI, 184.

83) Упомянутые тексты изданы въ «Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ» подъ № 28, 36, 37.

84) См. Fr. Ks. vitez Miklošič, spisal Anton Trstenjak. V Ljubljani 1883, 8⁰. 54.

85) Миклошичъ первый оцѣнилъ съ филологической точки зрѣнія, какъ слѣдуетъ, изданіе Остромирова евангелія. Его рецензія вышла въ 1847 году, въ 119-томъ томѣ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur», она заканчивается слѣдующими словами: «Möge es dem würdigen Manne, der sich um die leider nur von wenigen Berufenen gepflegte slavische Philologie schon so grosse Verdienste gesammelt hat, bald gegönnt sein, durch Bekanntmachung der oben bezeichneten Werke (грамматики и словаря), die bei seiner Gelehrsamkeit und bei der Stellung, die er an einer an slavischen Handschriften reichen Bibliothek einnimmt, gewiss allen Erwartungen entsprechen werden, die gelehrte slavische Welt zu erfreuen». На этомъ памятникѣ, на Супрасльскомъ и Клоцовомъ сборникахъ, построены первые грамматическіе труды Миклошича: Lautlehre der altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich. Wien 1850, 8⁰ 52; Formenlehre der altslovenischen Sprache von Fr. Miklosich. Wien, 1850, 8⁰. 73. Второе изданіе послѣдней книжечки въ 1854 г. уже разширено съ 73 на 179 страницъ. Третье изданіе вышло въ 1874 году подъ заглавіемъ: «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen mit Texten aus glagolitischen Quellen, von Fr. Miklosich». Wien 1874, 8⁰ XXXV, 96. Здѣсь уже легли въ основаніе древнѣйшіе южнославянскіе юсовые тексты, преимущественно глаголическіе.

86) Издавая въ 1860 году ново-открытый отрывокъ Клоцова сборника (Zum glagolita Clozianus, Denkschriften B. X. pag. 195—214) Миклошичъ опредѣлялъ редакціи славянскихъ памятниковъ такъ: Ich werde fortfahren, die altslovenischen Denkmäler in folgende vier Classen zu theilen: I slovenisch a) altslovenisch κατ᾽ ἐξοχήν; b) bulgarisch; II serbisch; III chorwatisch; IV russisch». (стр. 197). Разрядъ I a, названъ потомъ точнѣе «паннонскимъ», опредѣленію же его грамматическихъ разновидностей посвящено (кромѣ упомянутой въ

предыдущемъ примѣчаніи «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen») особое изслѣдованіе: «Beiträge zur altslovenischen Grammatik von Dr. Franz Miklosich. Wien 1875, 8⁰. 58», цѣль котораго намѣчена такъ: «Sie soll einen Beitrag bilden zur Lösung der Frage nach dem eigenthümlichen Charakter jener Varietät des Altslovenischen, die allen anderen zu Grunde liegt und die der Verfasser die pannonische nennt, weil historische und sprachliche Gründe ihn nöthigen, ihre Heimat in Pannonien zu suchen».

87) Отрывки Супрасльскаго сборника изданы имъ же раньше: Homilia in Ramos Palmarum 1845, Vitae sanctorum 1847, полное изданіе: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi ed. F. Miklosich, Vindobonae 1851, 8⁰ XII, 456. Второй памятникъ изданъ въ 1853 году: Apostolus e codice monasterii Šišatovac, palaeoslovenice edidit F. Miklosich. Vindobonae 1853. 8⁰. VIII. 267.

88) Уже въ 1845 году онъ издалъ «Radices linguae slovenicae veteris dialecti. Lipsiae 1845, 8⁰ 147. Черезъ пять лѣтъ вышелъ его Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae 1850, 4⁰ XIV. 204, новое же совсѣмъ передѣланное и увеличенное изданіе: Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum, emendatum auctum edidit Fr. Miklosich, Vindobonae 1862—1865, 8⁰ XXII. 1171. Сюда можно отнести еще: Die Wurzeln im Altslovenischen, въ Denkschriften VIII, стр. 154—179.

89) «Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung von Fr. Miklosich. Wien 1875, 4⁰ 58 (Denkschriften B. XXIV). Изслѣдованіе Буслаева: О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Сочиненіе Ѳ. Буслаева, Москва. 1848, 8⁰. 207.

90) «Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. Сочиненіе Филарета, епископа рижскаго». Москва 1846, 8⁰. 30 (перепечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ 43 — 80). Нѣмецкій переводъ вышелъ въ 1847 году: Cyrillus und Methodius, die Apostel der Slawen. Mitau — Leipzig 1847, 8⁰. 44. Существуетъ тоже болгарскій переводъ, напечатанный въ «Български книжици» годъ III (1860), кн. 11. 12. 14. 17.

91) «О Кириллѣ и Меѳодіи», въ собраніи сочиненій А. Гильфердинга, томъ первый. Спб. 1868, 8⁰ 299—340. Эта статья первоначально написана для газеты «День» въ 1862 году, потомъ она явилась подъ заглавіемъ «О Кириллѣ и Меѳодіѣ и тысячелѣтней ихъ годовщинѣ» въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ, стр. 145 — 208, наконецъ перепечатана въ собранныхъ сочиненіяхъ съ несущественными измѣненіями.

92) «Кириллъ и Меѳодій какъ православные проповѣдники у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ. Сочиненіе П. Лавровскаго». Харьковъ. 1863. 8⁰. VII. 588. Объ этомъ сочиненіи ср. отзывъ Бодянскаго въ Седьмомъ присужденія наградъ графа Уварова, Спб. 1864, стр. 56—91. Того же автора появилась на дняхъ статья въ Ж. М. Н. Пр. 1885, апрѣльская книжка, подъ заглавіемъ: Былъ ли святый Кириллъ солунскій епископомъ? (стр. 161—175), гдѣ обширно изложено, что преданіе слав. источниковъ, начиная съ самыхъ древнихъ, Кирилла всегда считало только учителемъ, философомъ, преподобнымъ, ничего не зная объ епископствѣ его. Послѣднее мнѣніе опирается главнымъ образомъ на итальянскую легенду, о значеніи которой авторъ отзывается черезъчуръ неодобрительно, послѣдуя впрочемъ примѣру А. Воронова. Мнѣ кажется, что славянское преданіе вѣрнѣе поняло Константина философа, оставивъ его учителемъ славянъ, чѣмъ тѣ позднѣйшіе латинскіе источники, которые воз-

вели его рядомъ съ Меѳодіемъ въ санъ епископскій. Даже допуская, что итал. легенда передаетъ историческій фактъ, что Константинъ дѣйствительно былъ посвященъ въ епископы, но вѣдь онъ этимъ не воспользовался, а по словамъ той же легенды скончался, по собственному желанію, какъ монахъ Кириллъ. Слав. легенда разсказываетъ даже, что онъ послѣднихъ 50 дней своей жизни пробылъ въ монашествѣ.

93) В. А. Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій. Часть первая: К. и М. по документальнымъ источникамъ (критика документовъ, римскіе папы и славянскіе первоучители, monumenta diplomatica) Спб. 1868. 8⁰ XII. 165. Часть вторая: К. и М. по западнымъ легендамъ (критика легендъ, легендарный образъ Кирилла и Меѳодія, codex legendarum). Спб. 1871. 8⁰. V. 388. Третій томъ къ сожалѣнію не изданъ. Надняхъ вышла того же автора очень обширная статья «Кириллъ и Меѳодій, славянскіе первоучители» въ журналѣ «Новь» (Томъ III № 11, за апрѣль 1885 г.), стр. 398 — 440. Авторъ разсказываетъ здѣсь ходъ дѣятельности слав. первоучителей согласно со своими взглядами, изложенными въ главномъ трудѣ. Но вѣдь противъ значенія тѣхъ источниковъ, на которыхъ онъ основываетъ отличительныя особенности своего изложенія, сдѣланы возраженія съ различныхъ сторонъ, между прочими Вороновымъ, мною, Лескиномъ, Мартыновымъ, Рачкимъ.

94) Объ этомъ трудѣ пока мы знаемъ только отзывъ И. И. Срезневскаго, напеч. въ Двѣнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова, см. примѣч. 80.

95) «Отрывокъ изъ путешествія епископа Порфирія Успенскаго въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1846 году. О св. Кириллѣ просвѣтителѣ славянъ моравскихъ». Эта статья напечатана въ Трудахъ Кіевской духовной академіи 1877, томъ четвертый, стр. 79 — 110, разобрана же мною въ Archiv für slav. Philologie IV. 297—316.

96) «Краткое историческое извѣстіе о введеніи христіанства въ предкарпатскихъ странахъ во времена св. Кирилла и Меѳодія. Сочинилъ А. С. Петрушевичь». Львовъ. 1882. 8⁰. 76.

97) Уже въ 1846 году вышло въ Одессѣ хорошее для своего времени сочиненіе подъ заглавіемъ: «О языкѣ церковнославянскомъ, его началѣ, образованіяхъ и историческихъ судьбахъ, сочиненіе Константина Зеленецкаго». Одесса. 1846, 4⁰. 123. Это былъ обстоятельный рефератъ о всемъ, что до тѣхъ поръ написано по даннымъ вопросамъ, удобная справочная книжка. Она переведена на сербскій языкъ въ Гласникѣ кн. VII и VIII (переводъ С. Сретеновића). Желающаго найти много подробностей о чествованіи памяти Кирилла и Меѳодія въ Россіи въ 1863 году, вмѣстѣ съ указаніемъ напечатанныхъ по этому поводу книгъ и статей, могу сослать на книжку, которую мнѣ напомнилъ г. П. Сырку: Мѣсяцесловъ святыхъ. Выпускъ III. Тамбовъ 1880, (Прибавленіе къ Тамбовскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ) 8⁰ 411, здѣсь на стр. 295—314 приводится библіографія, почерпнутая, правда, главнымъ образомъ изъ Воронова, но есть и дополненія. Желательно было бы, чтобы кто нибудь, располагающій трудолюбіемъ г. Пономарева, составилъ объ этомъ вопросѣ подробную библіографію. По поводу нынѣтняго праздника вышелъ до сихъ поръ, помимо многихъ простонародныхъ книжекъ, въ Варшавѣ «Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изданный Импер. варшавскимъ университетомъ подъ редакціею орд. проф. А. Будиловича» Варшава 1885. 8⁰, заключающій въ себѣ статьи: Н. Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи, 1—20), А. Будиловича (Нѣсколько мыслей о грекославянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія, 1—117), О. Первольфа (Славянскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ 1—126), П. Кулаковскаго (Очеркъ исто-

ріи попытокъ рѣшенія вопроса объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ 1—56), К. Грота (Взглядъ на подвигъ слав. первоучителей съ точки зрѣнія греческаго ихъ происхожденія 1—22), и Ѳ. Зигеля (Общественное значеніе дѣятельности Кирилла и Меѳодія 1—49).—Въ Трудахъ Кіевской дух. акад. за 1885 годъ, кн. IV стр. 482—503 появилась статья «Неразъясненный вопросъ въ древнихъ сказаніяхъ о преніяхъ славянскихъ первоучителей съ козарскими евреями», нап. К. Ѳоменко. Авторъ видитъ въ этихъ козарскихъ евреяхъ — Караимовъ. — Укажу наконецъ на «историческую замѣтку» проф. О. Миллера въ журналѣ «Новь» за 1 апрѣль 1885 года, стр. 459—477: «Первоучители славянъ».

98) Žiwot swatých Cyrilla a Methodia apoštolů slowanských, sepsal Wácslaw Štulc. W Brně 1857. 8⁰. 495.

99) Dějiny sv. apoštolů slovanských Cyrilla a Methodia. K tisícleté slavnosti pokřesťanění Moravy a Čech z nejnovějších a nejlepších pramenů sestavil Dr. J. E. Bílý. V Praze 1863. 4⁰. 144. Эта книга была въ 1863 году переведена на нѣмецкій и на словенскій языкъ, послѣдній переводъ подъ заглавіемъ: «Zgodovina svetih apostolov slovanskih Cirila in Metoda, poslovenil Janez Majcigar. Maribor 1863».

100) Дудикъ кромѣ обширнаго изложенія дѣятельности Кирилла и Меѳодія въ своей исторіи Моравіи (Dějiny Moravy sestavil Dr. B. Dudík Díl I, vydání druhé. V Praze 1875, 99 — 199, изложеніе и оцѣнка событій не совсѣмъ объективно написаны, ср. критическія замѣтки въ журналѣ «Světozor», 1882, № 5, стр. 59) еще недавно издалъ въ Sitzungsberichte der philos. histor. Classe 1879, B. 55, стр. 329—380 «Historische Forschungen in der Kaiserl. öffentl. Bibliothek zu St.-Petersburg», гдѣ на стр. 341—50 напечатана «Istoria sanctorum Cirilli et Metodii confessorum» (по рукописному лат. часослову). Онъ участвовалъ также въ спорѣ о значеніи Велеграда. Впослѣдствіи онъ отказался отъ первоначальныхъ сомнѣній. По собственному признанію его убѣдили доводы, собранные въ пользу Велеграда, какъ мѣста пребыванія Меѳодія, др. Герм. Иречкомъ (въ Světozor-ѣ за 1859 и 1860 годъ) и Бранделемъ (въ «Památky» 1863, V. стр. 241—251, 296—306). Велеградъ съ тѣхъ поръ снова выросъ въ глазахъ современниковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ предпринято даже изданіе «Велеградскаго сборника» (Sborník Velehradský) съ цѣлью возобновить въ памяти важность Велеграда. До сихъ поръ вышли, кажется, три книжечки, редакторомъ ихъ былъ Jozef Vykydal, děkan a farář na Velehradě. Большая часть статей написана мѣстнымъ духовенствомъ, образъ мысли котораго конечно отразился и на произведеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній годъ вызоветъ и въ чешской литературѣ различныя изданія по данному вопросу. Г. П. Сырку указалъ мнѣ уже на одну такого рода книжечку: Sv. Cyrill a Method, apoštolovia slovanskí, napisal Daniel Z. Lauček. Turč. Sv. Martin. 1883, 8⁰. 72. Будемъ надѣяться, что вскорѣ появится болѣе научное изслѣдованіе, какъ достойное продолженіе трудовъ Добровскаго и Шафарика.

101) Проф. Первольфъ приготовилъ для «Fontes rerum bohemicarum» (въ Прагѣ 1873 г.) изданіе славянскихъ житій Кирилла и Меѳодія, по обширнымъ и сокращеннымъ (проложнымъ) редакціямъ, съ присоединеніемъ чешскаго перевода и подстрочныхъ критическихъ примѣчаній, томъ I. 4⁰. стр. V—XI, 1—75. Имъ же къ тысячелѣтію составлено очень хорошее обозрѣніе судебъ церковно-славянскаго языка, въ сочиненіи: «Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ». Сочиненіе Іосифа Первольфа. Варшава. 1885. 8⁰ 126 (отд. от. изъ «Меѳодіевскаго юбилейнаго сборника»).

102) Рачкій написалъ: «Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda, slovjenskih apoštolov. Nacrtao Prof. Dr. Franjo Rački. U Zagrebu. 1857—1859, 8°. XII, 420. Прежде онъ критически разобралъ житіе Меѳодія (противъ Гинцеля) въ статьѣ напеч. въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, knjiga IV (u Zagrebu 1857), стр. 281 — 298. Въ сборникѣ «Tisućnica slovjenskih apostolah sv. Cirila i Metoda» (U Zagrebu 1863. 4°) напечатана его же статья «Književan rád sv. Cirila i Metoda. Priobćio Dr. Franjo Rački 1—27. Вмѣстѣ съ Миклошичемъ недавно издалъ Рачкій «Novo nadjeni spomenici iz IX i XI vieka za panonskomoravsku, bugarsku i hrvatsku poviest» въ сборникѣ «Starine» кн. XII (Загребъ 1880), стр. 206—223.

103) «Na uspomenu tisuću-godišnjice sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apostolah, napisao Ivan Krst. Tkalčić». U Zagrebu 1863. 8°. 130. VIII.

104) Dvie službe rimskoga obreda za svetkovinu svetih Ćirila i Metuda, izdao Ivan Brčić, u Zagrebu 1870. 8°. XV, 79.

105) Rimsko-slovinska služba sv. Kurilu i Metudu, priobćio Dr. Ivan Črnčić въ 14 книжкѣ «Starine», стр. 210—220.

106) Въ статьѣ на словенскомъ нарѣчіи написанной «A. Fekonja, Razširjava kristjanstva med Slovenci» (въ «Letopis matice slovenske za leto 1884» V Ljubljani 1884) стр. 115—195, указывается на неизвѣстную мнѣ книгу «Delo sv. Cirila i Metoda, spisal Jaromir Volkov, v Trstu 1881». Также я не видалъ сборника «Zlati Vek», изданнаго въ Люблянѣ въ 1863, гдѣ должна быть помѣщена статья Гицингера (P. Hicinger): «Začetki keršanstva na Slovenskem». Въ Задрѣ вышла въ 1881 году книга подъ заглавіемъ: «Славенски апостоли Кирил и Методије и истина православна, написао др. Никодим Милаш. Задар 1881, 8° XXVIII. 387», но содержаніе ея—полемическое по всѣмъ спорнымъ вопросамъ восточной и западной церкви, только на стр. 311—370 авторъ коснулся Кирилла и Меѳодія. «Кирил и Методије и римски папе», такъ озаглавлена эта часть книги.

107) Monumenta Poloniae historica. Pomniki dziejowe polski, wydał August Bielowski. Lwów 1864, 4°. XXXII. 946. Въ этотъ сборникъ вошло только житіе Меѳодія. Издатель не могъ, какъ самъ разсказываетъ въ предисловіи на стр. XX—XXI, воспользоваться для своего изданія древнѣйшимъ текстомъ (Успенскаго собора), потому что рукопись находилась въ рукахъ Бодянскаго. Въ изданіи А. Бѣлёвскаго «Żywot ś. Metodego» напечатанъ съ введеніемъ и объясненіями на стр. 85—122; въ томъ и другомъ много дѣльныхъ замѣчаній.

108) Rettel Leonard. Cyryl i Metody. Streszczenie najnowszych poszukiwań. Paryż, nakladem biblioteki kórnickiéj 1871. 8°. 205.

109) Swięci Cyryl i Metody przez ks. Tadeusza Gromnickiego. W Krakowie. 1880. 8° 239, (Отдѣльный оттискъ изъ «Rozpraw» историко-философскаго разряда краковской академіи наукъ т. X—XII).

110) Geschichte der Slavenapostel Cyrill und Method und der slavischen Liturgie von Dr. J. Aug. Ginzel. Leitmeritz 1857, VI. 174. 132, второе изданіе: Wien, 1861. 8°. XI. 173. 132.

111) Напр. у Макса Бюдингера: Oesterreichische Geschichte bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts von Max Büdinger. Leipzig 1858 I. S. 191 bis 198; или у Э. Дюммлера: Geschichte des ostfränkischen Reichs I. Berlin 1862. S. 620—627, 699—703, 814—821; II. Berlin 1865. S. 192—198, 254—259, 340; или у Альф. Губера: Geschichte Oesterreichs. Erster Band von Alfons Huber. Gotha 1885, на стр. 100—111: ср. также Geschichte der Einführung und Ver-

breitung des Christenthums in Südostdeutschland von Dr. Alois Huber, Salzburg 1875. IV Band. Slaven-Zeit.

112) Cyrille et Méthode. Etude historique sur la conversion des Slaves au christianisme, par Louis Leger. Paris 1868, 8⁰. XXXV. 227.

113) Отецъ Мартыновъ подвергъ недавно критическому разбору вопросъ о времени происхожденія и объ авторѣ такъ называемой итальянской легенды или Translatio s. Clementis, въ журналѣ «Revue des Questions historiques, 71-e livraison, 1 Juillet 1884. Paris 1884, p. 110 — 166, въ статьѣ «La légende italique des SS. Cyrille et Méthode». О. Мартыновъ положилъ въ основаніе своего разсужденія трудъ покойнаго А. Воронова. Отдавая во всемъ прочемъ полную справедливость критическимъ соображеніямъ русскаго ученаго, онъ не соглашается съ А. Вороновымъ только относительно итальянской легенды, отстаивая ея прежній авторитетъ. И я, соглашаясь во многомъ съ А. Вороновымъ, не могъ одобрить то, что тамъ говорится о итал. легендѣ. Мой отзывъ не ускользнулъ отъ вниманія о. Мартынова, онъ пишетъ: «Telle est ma conviction et je suis heureux de me voir d'accord en cela avec le savant académicien M. Jagitch. Avec la sagacité qui le distingue, ce critique éminent suppose l'existence des deux traditions relatives au fait, dont il s'agit: l'une romaine, occidentale; l'autre orientale, chersonienne» (p. 138). Я очень радъ, что мои соображенія съ такимъ удовольствіемъ приняты отличнымъ знатокомъ вопроса. Аргументація о. Мартынова въ пользу древности итал. легенды и авторства Гаудерика составлена очень остроумно и убѣдительно. Эта статья представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ литературу нашего вопроса изъ новѣйшаго времени; она должна быть принята въ расчетъ всѣми, кто впередъ станетъ разбирать источники сказанія о Кириллѣ и Меѳодіи.

114) Memorie storico-critiche archeologiche dei santi Cirillo e Metodio e del loro apostolato fra le genti slave, par Domenico Bartolini, prete del titolo di S. Marco, cardinale della santa romana chiesa etc. Roma 1881. 8⁰. XXIX. 254. Отзывъ объ этой книгѣ въ Варшавскомъ журналѣ «Ateneum» 1882, кн. VIII, стр. 378—383.

115) Въ русской литературѣ существуетъ нѣсколько начатыхъ, но недоконченныхъ предпріятій. Сюда я отношу сводъ памятниковъ, затѣянный покойнымъ Бодянскимъ, не доведенное до конца сочиненіе Бильбасова, попытки изданія сводныхъ текстовъ похвалы и службы, начатыя покойнымъ И. И. Срезневскимъ, и т. д. Я конечно согласенъ съ покойнымъ Бодянскимъ въ томъ, что критическая разработка источниковъ должна была предшествовать самому жизнеописанію, но кажется теперь уже наступило время для того, чтобы приступить «съ большей надеждей на успѣхъ и къ составленію самаго жизнеописанія вѣчно памятныхъ намъ первоучителей нашего славянскаго племени». Ни одно изъ до сихъ поръ изданныхъ изслѣдованій не можетъ похвалиться, что оно сосредоточило въ себѣ все, до новѣйшаго времени сдѣланное наукою для уясненія этого вопроса. Въ русской литературѣ тутъ опять замѣчаемъ чувствительный пробѣлъ, одно недоконченное предпріятіе: изслѣдованіе Голубинскаго еще не издано.

И желаній, заявленныхъ давно уже Добровскимъ, мы еще не исполнили: труды Кирилла и Меѳодія еще не возстановлены въ ихъ первоначальномъ видѣ. Довольно много сдѣлано по вопросу о переводѣ евангелія (Невоструевымъ, Шафарикомъ, мною и Ильминскимъ) древнихъ же текстовъ издано пока шесть (три глаголическіе, три Кирилловскіе); о переводѣ апостола существуетъ изслѣдованіе Воскресенскаго, а на изданіи текстовъ теперь работаетъ неуто-

мимый о. Амфилохій въ Москвѣ; псалтырь пока еще не издана по такимъ замѣчательнымъ спискамъ, какъ болонскій, погодинскій, чудовскій, но за то недавно обогатилась наука изданіемъ синайской псалтыри, переводу псалтыри посвящено изслѣдованіе В. Срезневскаго и недавнее мое. О другихъ частяхъ ветхаго завѣта нечего и говорить. Такого рода изданіе, какъ «Ulomci svetoga pisma» покойнаго Берчича, изъ различныхъ частей ветхаго завѣта, становится въ русской литературѣ настоящею потребностью. Но есть еще и другія desiderata. Для выясненія вопроса о томъ, въ какомъ видѣ существовали первыя литургическія книги въ Моравіи, Панноніи и Болгаріи, пока сдѣлано очень мало. Изданіе «меѳодіевскаго» номоканона мы, кажется, вправѣ ожидать отъ А. С. Павлова.

Съ похвальною энергіею въ нынѣшнемъ году взялись въ Варшавѣ (А. Будиловичь и другіе) за продолженіе предпріятія, начатаго въ 1865 году въ Москвѣ. Желательно, чтобы на этомъ сборникѣ дѣло не остановилось, а чтобы было основано отдѣльное изданіе, посвященное критической разработкѣ всѣхъ возможныхъ вопросовъ о Кириллѣ и Меѳодіи, въ которое могли бы войти также переводы выдающихся статей изъ прочихъ литературъ, напр. того, что напечатано на языкѣ чешскомъ (напр. Иречкомъ, Бранделемъ) или сербо-хорватскомъ (Рачкимъ и другими). Вѣдь этихъ изслѣдованій здѣсь никто не знаетъ, за исключеніемъ самаго ограниченнаго числа спеціалистовъ, да и имъ-то едва ли весь матеріалъ доступенъ.

ОПЕЧАТКИ.

На стр. 15 въ строкѣ 3 внизу вм. 1882 читай 1822,
» » 25 » » 5 » » «паннонических» читай «паннонскихъ».